Аромат желания

Автор:
Анна Данилова

Аромат желания

Анна Данилова

Ольга Болотникова проснулась утром у себя в квартире в своей постели с дикой головной болью. Собственное отражение в зеркале ее ужаснуло: на скуле и под глазами синяки, губа разбита. Все тело ноет, а на простыне следы крови. Но как это могло произойти, если вчера, проводив гостей, Ольга сразу легла спать и до утра не просыпалась? Однако Болотникова не единственная пострадавшая. В городе один за другим стали находить трупы успешных и состоятельных женщин. Причем проведенная экспертиза показала, что мучитель Ольги и убийца светских львиц – один и тот же человек…

Анна Данилова

Аромат желания

ГЛАВА 1

Очень сильно болела голова. Как если бы в затылочную кость вонзили нож и медленно прокручивали, ввинчивая в мозговое вещество… Вроде и вино было хорошее, да даже не вино, а пелин, такой сладкий и душистый болгарский вермут, настоянный на двадцати двух видах трав. Оле еще показалось, что его можно пить литрами и не опьянеть. И что самое интересное, она и раньше его пила на ночь, просто так, для здоровья, и голова не болела.

Так не хотелось покидать постель, вот даже нос высовывать из-под одеяла было лень. Квартира своей тишиной и теплом словно продолжала убаюкивать, шептать: поспи еще, ну, почему бы нет?

Но надо было подниматься и идти на работу. А это означало – покинуть квартиру и раствориться в холодном ноябрьском промозглом дне.

Оля все-таки встала, подошла к окну, раздвинула занавески и увидела лиловое угрюмое небо, готовое пролиться ледяным густым дождем; и хотя в комнате было тепло от электрического камина, один вид осенней стужи и покачивающихся на ветру деревьев вызывал озноб и какую-то безысходную тоску…

Вернулась к кровати, чтобы застелить ее, подняла одеяло, чтобы сложить его и убрать в шкаф, и вдруг замерла, уставившись на размазанные пятна крови на простыне. Крови быть не должно было, слава богу, она в свои двадцать пять все знала о своем организме, и подобную картину можно было увидеть не раньше чем через полмесяца. Но что еще удивило ее, так это какой-то серый, грязноватый оттенок простыни. Хотя она два дня тому назад постелила новый итальянский комплект белья и простыня еще вечером, когда она стелила постель, была белоснежной.

Легкое головокружение, какое бывает у человека, который столкнулся с чем-то необъяснимым, странным, перешло с тошноту. Оля подошла к зеркалу и тотчас отшатнулась – припухший нос с запекшейся струйкой крови, каплей застывшей на губе, покраснение на правой щеке и, что совсем уж страшно, синяк под правым же глазом!

Весь вчерашний день она тотчас вспомнила до мельчайших подробностей. Такое же вот дождливое утро, большая чашка кофе, дорога до работы, обыкновенный, ничем не примечательный рабочий день (компьютер, сухое печенье с чаем и цифры, цифры…), возвращение домой, звонок подруги Кати Веретенниковой, ужин на троих – сыр, ветчина, вареная картошка, османский пелин, настоянный на двадцати двух видах трав, счастливая Катька, не сдержанный в своих чувствах ее любовник Виктор. Затем кофе, карты, шутки, смех… Ничего особенного. Она проводила их до двери, вернулась, убрала посуду, приняла душ и легла спать. И вот сейчас она стоит перед зеркалом с разбитым лицом, в одной пижамной куртке… Так. Стоп. А где пижамные штаны? С тех пор как она рассталась с Вадимом (а это случилось полтора года тому назад), она ни разу не

позволяла себе спать голой или даже без пижамы. И уж вчера точно легла в пижаме – розовые шелковые штаны и белая в розовую полоску курточка.

Нет, этого не может быть! А может, ей все это снится?

Однако спустя еще несколько минут, уже в туалете, она поняла, что ее самые худшие и просто невероятные предположения подтвердились. Небольшие ссадины на бедрах, кровоподтеки, кровотечение… Ее изнасиловали. Кто? Когда? После Вадима у нее не было ни одного мужчины.

От ужаса, от реального страха за свое здоровье и жизнь волосы зашевелились на голове.

Что, если она все-таки не заперла квартиру, забыла и оставила ее открытой, а ночью к ней кто-то зашел и изнасиловал? Какой-нибудь бомж…

Вернувшись в спальню, она уже с каким-то другим чувством взглянула на свое отражение: ее изнасиловали. Кто-то проник в дом, воспользовался тем, что она крепко спала… Брр…

А что, если этот мужик еще в квартире? Спрятался где-нибудь в кладовке…

Она метнулась к двери и заперлась в спальне. Схватила телефон и набрала номер Кати.

– Катя… Катя? Ты слышишь меня?

Голос у Кати был сонный и очень спокойный.

– Что случилось? Я же в отгулах… Олька, ты разбудила меня… – она тянула слова, как теплую ириску. – Ну?

– Ты не можешь вспомнить?.. Вот когда вы с Виктором уходили от меня, я двери запирала? Не помнишь?

– Ну, конечно, запирала! А что, обокрали? – усмешка в голосе.

– Катя… У меня проблемы… Кто-то проник ко мне ночью и…

И тут Ольга подумала о том, что стоит ей сейчас только признаться Кате в том, что произошло, как все на работе сразу узнают и будут перешептываться у нее за спиной. Катька не смолчит, она любит подобные темы и разговоры, она настоящая сплетница.

– Да понимаешь… Вот чувствую, что в доме кто-то был… Вещи передвинуты, – она сочиняла на ходу. – А некоторых вещей и вовсе не хватает…

– Так вызови милицию!

Она все-таки набралась смелости и спросила:

– Скажи… А твой Виктор… Ну, ты извини меня… Он не мог случайно вернуться… Ты же сама говорила, что у него проблемы с жильем, что жена его выгнала, что он мотается по друзьям… К тебе-то нельзя, ты у нас замужняя…

– Ты что, подружка, с ума сошла? – Вот теперь Катя стала просыпаться. – Чтобы мой Виктор вернулся к тебе? Ну, во-первых, если бы это даже и произошло, уж, наверное, он бы позвонил в дверь, а не пробирался, как вор… К тому же у тебя только одна постель… Хотя… Диван. А что, кто-то спал на диване?

– Я… я не знаю…

Так хотелось признаться в том, что произошло, аж скулы сводило.

– А ты вообще-то давно его знаешь?

– Год. А что? Думаешь, что это он вернулся, хотел позвонить… – протянула Катя задумчиво. – А тут выяснилось, что дверь открыта, открыл, вошел… на цыпочках прошмыгнул в гостиную, увидел в полумраке диван лег и уснул. Оля! Это полный бред! Думаю, что ты просто плохо спала. Может, на тебя так подействовали эти… двадцать две болгарские травки?

– Ты точно помнишь, что я запирала двери?

– Не то что помню… Хотя, конечно, до лифта ты нас не провожала, закрыла после нас дверь, это точно, а уж запирала на замки или нет – не знаю… А что, дверь была открыта?

– Я не знаю… – растерянно пробормотала Ольга. – Понимаешь, мне кажется, что я до сих пор дома не одна… Мне страшно…

– Господи, да ты на самом деле напугана. Значит, так. Звони в милицию. Если хочешь, я сама позвоню…

– Да, позвони… Хотя, Кать… А вдруг… нет, не то… я не знаю, что мне делать. Но дома кто-то был. Это точно.

– Ты кому-нибудь свои ключи давала?

– Да.

– Кому?

– Тебе! Уже несколько месяцев мои ключи находятся у тебя. И Виктор мог воспользоваться…

– Да что ты зациклилась на Викторе?

– Ты же дома провела ночь, так? Причем одна, потому что мужа ждешь из командировки. Так?

– Ну, так. И что?

– А то, что ты не знаешь, где ночевал твой Виктор. Не знаешь!

– Постой, дай-ка я ключи поищу…

Оля слышала шорох в трубке, потом что-то захрустело-зазвенело, и вот, наконец, радостный голос Кати оповестил:

– Ключи твои у меня! Вся связка! Так что Виктор мой ни при чем… Да и вообще, все это странно…

– Ладно, извини. Скорее всего, я сама не заперла как следует… Забудь. Все. Еще раз извини.

Она отключила телефон и отшвырнула его от себя, словно он раскалился за время разговора.

Она все еще сидела на кровати, уставившись в окно, и все еще недоумевала, как такое могло произойти, чтобы ее, Олю, вот так запросто какой-то мужик изнасиловал, причем в собственной квартире, в собственной постели…

С каждой минутой тело ее все больше наливалось, как хрупкий сосуд, болью. Теперь уже болел низ живота, а между ногами и вовсе кровоточила рана… Хотя ей иногда казалось, что все это – лишь плод ее разыгравшегося воображения и что такого не могло быть в принципе! И что постель она свою не меняла (меняла, меняла, купила же совсем новый комплект, весь в розах и ленточках), и что крови на простыне не было (была, была, еще как была!), и что на бедрах нет синяков (есть, есть, ну просто следы от сильных мужских пальцев!)…

Может, она так истосковалась по мужчине, что тело ее само словно сымитировало это насилие? Хотя она давно уже никого страстно не желала. Разве что своего начальника, холодноватого красавца Владимира Николаевича… Но это было так, никуда не идущей и ни к чему не обязывающей фантазией, не более. Просто каждый раз, заходя к нему в кабинет, она почему-то представляла себя раздетой в кресле, и как будто бы Владимир Николаевич вместо того, чтобы просматривать принесенные ею бумаги, смотрит на ее обнаженную грудь…

И что? Разве могли такие вот безобидные фантазии вызвать такую бурную реакцию организма на одиночество и нарисовать на бедрах синяки?

А разбитый нос? Она что, сама себя ударила во сне?

Глафира. Вот кто ей мог бы помочь. Глафира была подругой Ольги и работала помощником адвоката Елизаветы Травиной. Глафира. Она толковая, своя, что называется, в доску. Умная и зрящая в самый корень. К тому же у нее есть опыт.

– Глаша? – Оля прижала трубку к уху, словно собираясь расплющить его. – Глашенька, как хорошо, что ты взяла трубку… Пожалуйста, если можешь, выслушай меня. У меня беда…

ГЛАВА 2

– Неделя прошла, ты обещала мне дать ответ, – произнес мужчина, на плече которого устроилась голова девушки. – Ты слышишь меня, Лиля?

– Нет, не слышу.

Она открыла глаза, протянула руку и взяла пачку сигарет, зажигалку. Приподнялась и закурила.

Было шесть утра, мужчина, вероятно, привыкший вставать в этот час, напрягся в ожидании ответа.

– Ли-иля…

– Гриша, вот скажи, какой ответ ты от меня ждешь? Ну, подумай сам, зачем ты мне нужен, женатый?

– Я обещал тебе, что разведусь.

– Знаешь, я уже так много книжек прочитала об этом и фильмов посмотрела, что мне хохотать хочется, когда я слышу эти слова. Их произносят миллионы, нет, миллиарды мужиков на всей планете. Конечно, всем женщинам хочется верить в то, что женатый любовник когда-нибудь разведется со своей женой, и я сначала тоже хотела верить, но не потому, что так уж сильно влюблена в тебя, вовсе нет.

Просто мне было важно знать, что я – лучшая, что ты предпочел именно меня… А потом мне стало как-то все равно. А когда все равно, тогда, сам понимаешь, многое меняется в отношениях… Я остыла к тебе.

– Так уж и остыла? Лилечка. Ты просто прелесть!

– Ладно, Денисов, даю тебе неделю на то, чтобы ты развелся… И ни дня больше!

Видно было, что она куражится, что несерьезна и что в душе верит, что она – лучшая.

– Да! Ты слышал, что Аленькую убили? – вдруг вспомнила она.

– Слышал.

– А брат твой, которого она больше памяти любила, знает об этом?

– Да, я позвонил ему, сказал.

– Скотина он, не находишь?

– Почему это?

– Да потому, что отмывал свои денежки с ее помощью, использовал ее… Как ты думаешь, ее убили из-за этого? Из-за твоего брата? Чтобы ему насолить?

– Не говори глупостей.

– А ты еще и меня тоже убей.

– Лиля!

– Что «Лиля»? Ненавижу вас, мужиков.

– Зачем тогда морочишь им голову?

– Это ты о себе, что ли? – Она бросила на него презрительный взгляд. – Я никому голову не морочила. Вы сами приходите ко мне, мечтаете только об одном – переспать со мной…

– Ты говоришь о мужчинах во множественном числе…

– Нет, можно подумать, ты у меня единственный!

Он поймал ее руку, больно сжал. Но она не вскрикнула, как это сделала бы любая женщина на ее месте. Вытерпела, потом легко, грациозно, как кошка, извиваясь, поднялась с кровати, сорвала со спинки шелковый, фиолетовый от утренних сумерек халат, завернулась в него.

– Ты понял – неделя!

– Я на самом деле разведусь с Татьяной, она знает, наши адвокаты работают… Ты же понимаешь, без раздела имущества не обойтись.

– А договориться по-человечески уже нельзя?

– С ней – нельзя. Но ты мне так и не ответила – ты выйдешь за меня?

– Посмотрим на твое поведение…

– Я люблю тебя, очень. И у нас будет замечательная семья. Ты родишь мне детей.

– Детей я могу родить не только для тебя, но и для себя, ты об этом не думал?

– Нет, не думал.

– Конечно, зато ты всегда думаешь о себе. Все, иди уже, тебе пора домой…

– Лиля!

– Говорю: надоел!

– А тот, с грязными волосами, Женя твой, идиот, тебе не надоел?

– Не твое дело.

– Он тебе кто – паж, слуга, любовник? Тебе вообще не противно возиться с ним?

– Он не грязный, просто у него не в порядке кожа головы. Никакие шампуни не помогают. Это болезнь, понимаешь? А человек он очень интересный, необычный… Но, конечно же, с приветом… – Она вздохнула. – Дался тебе этот Женька!

– Обещай, что отвадишь его от себя, от своего дома… Мне неприятно его видеть здесь…

– Ладно-ладно, обещаю… Он сам начинает уже тяготить меня… Влюбился вот.

– Говорю же – гони его в шею… Юродивый какой-то. Не могу видеть его рядом с тобой.

– Сказала – обещаю, не дави на меня… Лучше займись более важными делами…

– Не переживай, я все сделаю, чтобы мы были вместе.

– Ладно-ладно, посмотрим… А теперь все. Иди. Тебе пора…

Она закрыла за ним дверь, вернулась в спальню, прикрыла постель, распахнула окно, взяла пепельницу, полную окурков, и отправилась на кухню – варить себе кофе. В восемь должны были прийти ее помощницы Валя с Тамарой – убираться, готовить. Пусть пока нет мужа и детей, но присутствие этих двух женщин в доме все равно вносило в ее жизнь ощущение семьи и порядка. Если бы не они, она давно бы свихнулась от тоски, беспорядка, хаоса… А так – в доме всегда было чисто, пахло едой… Как в семье.

Семья. Конечно, Денисов прав. Жене надо дать понять, что он не может и дальше приходить к ней. Она все-таки собирается замуж. Но и расстаться с Женей надо как-то по-человечески, объяснить ему все, как есть. В какой-то момент жизни он поддержал ее, это так, но она же его ни о чем не просила, значит, ничего ему не должна. А не прогнала его сразу, такого странного, живущего в каком-то своем мире, а потому иногда пугающего ее, по очень простой причине – он был как две капли воды похож на ее любовь… На ее исчезнувшую любовь. Она и восприняла его сначала как призрак. Там, в парке…

…Она допивала кофе, когда в дверь позвонили. Это не мог быть Женя, слишком рано для него. Обычно он появлялся здесь к обеду. А она к этому времени уже успевала выспаться, перекусить и даже утомиться от безделья…

Ресторанами занимались нанятые ею люди, которым она вполне доверяла. Она считала, что это временно, что когда-нибудь, в один прекрасный день она вдруг проснется и поймет, что черная полоса в ее жизни закончилась, что в душе ее перестали лить дожди и завывать метели, что там, внутри ее, светит теплое солнце и она, обновленная и полная сил, готова для новой жизни. Вот тогда она и займется своими ресторанами и устройством личной жизни, найдет себе хорошего, здорового парня, родит ему детей…

На пороге стояла женщина в распахнутой мутоновой шубе. Вспотевшая, в съехавшей набок норковой шапке. Глаза испуганные, часто моргают.

– Это вы – Лиля?

ГЛАВА 3

Глафира Кифер слушала подружку внимательно, переводя взгляд с одного окна на другое, словно намеренно избегая смотреть в сторону огромного письменного стола, заваленного бумагами, за которым восседала слегка растрепанная, разрумянившаяся от напряжения и укутанная в толстый свитер Лиза.

– Хорошо, Оля, я сейчас к тебе приеду… Минут через пятнадцать буду.

Глаша, пухленькая кареглазая молодая женщина в коричневом сарафане, надетом поверх черного, с высоким воротом, свитера, шумно вздохнула.

– Мне надо отлучиться, Лиза… Думаю, ты все слышала…

– Что, подружку изнасиловали? – произнесла Лиза. Она что-то писала, то и дело покусывая кончик ручки. Нахмурив брови, она проговорила что-то на своем тарабарском языке, из чего Глаша сделала вывод, что Лиза составляет какой-то важный документ и что ей сейчас лучше всего не мешать. Поэтому-то и не ответила.

– Глафира, ты что, оглохла? Что, спрашиваю, подружку изнасиловали?

Лиза оторвалась на какое-то время от бумаг, медленно поднялась из-за стола и сделала несколько упражнений. Толстый свитер еще плотнее обтянул круглый, словно спрятанный под мягкой шерстью воздушный шар, живот. Глаша, глядя на него с благоговением, представляла себе там спящего и уже одетого в штанишки-распашонки малыша с соской во рту.

– Пока еще не знаю… Но она боится оставаться дома одна. К ней ночью вроде как кто-то пришел, изнасиловал, даже избил… Она говорит, что у нее синяк на лице и нос разбит.

– Ничего себе! И она до сих пор не вызвала милицию?

– Она боится… Ладно, Лиза, я поехала. Вернусь, все расскажу.

В машине она разговаривала по телефону с Гурьевым, мужем Лизы. Он страшно расстраивался, что Лиза сбежала из дома, вернулась в офис и работает вместо того, чтобы отлеживаться дома, ждать родов.

– Нет, Дима, все оказалось бесполезно. Чего я ей только не говорила, приводила самые разные доводы, запугивала ее, она все равно наотрез отказалась

возвращаться домой. Сказала, что дома она сама себе напоминает овощ, за которым все ухаживают. Что она не чувствует себя не только женщиной, но и человеком. Ей стыдно за свой живот, и она совершенно не горда тем обстоятельством, что она на восьмом месяце и что через четыре недели на свет появится малыш… Говорит, что пока она его не увидит, все равно не поверит, что такое чудо возможно… Вот такая удивительная у нас Лиза. Обложилась документами, постоянно звонит нашим клиентам, назначает встречи, убеждает их в том, что ей до родов далеко, что она успеет их отмазать, вызволить, оправдать, словом. Такой вот Робин Гуд с большим животом.

Гурьев спросил, где она, раз так свободно разговаривает о Лизе.

– Я в машине, еду. – Глафира рассказала ему в двух словах об Ольге. Он вызвался проводить ее. И вот через четверть часа он уже сидел в ее машине, встревоженный, задумчивый, но такой же красивый, как всегда, и готовый помочь. Дмитрий Гурьев, как и его жена, был адвокатом, часто ездил по делам своих клиентов за границу. На днях снова должен был улететь в Рим.

– У нее с головой все в порядке? – задал он свой первый вопрос, пока машина мчалась в сторону волжского моста, в тот район, где жила Ольга Болотникова.

– Абсолютно адекватная девушка. И красивая, каких еще поискать. Может, я и ошибаюсь, но в последние несколько месяцев, а то и целый год у нее никого не было. Она рассталась с одним типом, в которого была жутко влюблена. Но он оказался подлецом, и Оля поклялась сама себе, что в ближайшее время в ее жизни не появится ни одного мужчины. Да и вообще, она девушка строгих правил, придерживается твердых моральных устоев. Еще она чистюля, просто невероятная чистюля. Когда войдешь к ней в квартиру, удивишься, насколько тщательно можно все вылизать. Я вот тоже часто полы мою, – вздохнула Глафира, сворачивая на оживленный проспект, – но моего порядка как-то не видно. Все вроде бы раскладываю по местам, но все равно такой чистоты, как у Оли, не получается.

– А что говорить про нашу квартиру? – отозвался все с таким же задумчивым видом Гурьев. – Это сейчас Лиза дома, вернее, до недавнего времени была дома, все что-то чистила, перемывала, покупала тонну разных там чистящих средств… А когда нас с ней дома нет, кажется, что кто-то живет там своей, совершенно безалаберной жизнью… Вот приходим домой – и тоже все как-то не прибрано… Это я к чему?

– Да знаю я вашу проблему. Ты мечтаешь о домработнице, а Лиза считает, что у вас в доме всегда полно секретных документов…

– В сущности, она права… А у меня каждый день мнение по этому поводу меняется. То хочется, чтобы все это кто-то невидимый чистил-мыл, а иногда как представлю, что чужая тетка с ведром и шваброй ходит по нашей тихой квартире, так дурно становится…

– Однако няню вам все равно придется нанимать.

– Нет, моя мать обещала приехать из Питера, чтобы помочь нам…

– Все, приехали. Значит, так. Я тебе ничего не рассказывала об Оле, хорошо? И так чувствую себя какой-то предательницей, что рассказала тебе о Вадиме…

– Вадим? Это кто?

– Тот самый подлец, что бросил ее, вернулся к своей бывшей пассии…

– Не переживай.

Они поднялись, дверь открыла бледная, перепуганная Оля. Под правым глазом был чудовищного вида лиловый синяк. На носу – ссадина, да и вообще, ясно было, что ее били по лицу.

– Господи, Глаша, спасибо, что ты приехала! – Оля бросилась к Глафире и разрыдалась у нее на груди.

Глаша предусмотрительно увлекла ее внутрь квартиры, чтобы она своими рыданиями не переполошила соседей. Следом за ними вошел Дмитрий и запер за собой дверь.

– Вот, Оля, познакомься, это Дмитрий Петрович Гурьев, муж Лизы, я тебе о нем рассказывала. Ну, что, подружка, ты дома-то одна?

– Когда услышала, что ты звонишь в дверь, бросилась, как в холодную воду, думаю, а вдруг он еще где-то здесь…

– Давай рассказывай все в подробностях. Весь вчерашний день, сегодняшнее утро.

Глафира слушала внимательно, время от времени переглядываясь с очень серьезным Гурьевым.

– Вы мне скажите, вот эти синяки мне не приснились же?.. Да и вообще, все мое тело стало каким-то чужим и в то же самое время болит. Все болит. Что мне делать?

– Я считаю, что непременно следует вызвать представителя правоохранительных органов, – сказал Дмитрий. Он, как и Глафира, уже понял, что преступление налицо и что девушка просто растерялась, может быть, даже предположила, что у нее не все в порядке с головой.

– Но тогда все узнают, что меня изнасиловали… – снова расплакалась Ольга. – А я не хочу, чтобы мое имя полоскали на моей работе… Знаете, Саратов хоть и большой город, но все равно все как-то пересекаются. Окажется, что знакомый знакомого работает в милиции или прокуратуре… Нет, мне ни к чему такая репутация.

– Ты хочешь все оставить как есть? – спросила Глафира.

– Нет, я хочу узнать, что на самом деле со мной произошло, но не хочу, чтобы дело носило официальный характер. У меня есть деньги, я могу позволить себе нанять частного детектива… или обратиться к твоей Лизе, говорят, она хоть и адвокат, но распутывает дела…

– Хорошо, с Лизой я поговорю, – сказал Гурьев. – Но и вы тоже поймите, что прежде, чем приниматься за расследование, необходимо провести целый ряд экспертиз.

– Да-да, это-то я понимаю… Книжки читаю. Телевизор смотрю. Я не мылась. Специально… – густо покраснела она.

– Вот и отлично. Тогда мы сейчас же отвезем вас к нашим специалистам, к врачам… У нас есть очень хороший знакомый гинеколог, он возьмет анализы и осмотрит вас. Но самое главное – это ваша кровь. Судя по тому, что вы ничего не помните и ничего не чувствовали, как я понял, вы спали невероятно крепким сном.

– А это значит, что в пелин подсыпали снотворного… – застонала Оля.

– Пойдем на кухню, посмотрим, что это за пелин такой… сногсшибательный…

– «Пелин Лозарево», – читал Гурьев, рассматривая бутылку зеленого стекла с красивой этикеткой. – «С 22 вида билки». Что такое «билки»?

– Травки, лекарственные травы… Это я точно знаю, этот пелин мне привезла из Болгарии одна моя знакомая, правда, еще в прошлом году… Несколько бутылок. Эту, последнюю, я случайно нашла в шкафу, совсем про нее забыла.

– «Червен. Специален», – продолжал читать надписи Дмитрий. – «Лозарево е изба района на Сунгуларската долина, произвежда висококачествени червени вина, ароматизирани с 22 вида специално подбрани старопланински билки. Благодарение на билковия си състав пелиновото вино е лековито, действа тонизиращо и възбужда апетита, консумира се леко охладено с риба и бели меса..» Ну, что я могу сказать? Я запросто мог бы жить в Болгарии. Лично мне все понятно из этого болгарского текста. Неясно одно – кто мог вам подсыпать снотворное?

Немного успокоившись, Оля рассказала о своем звонке Кате. Глаша сделала пометки в своем блокноте, записала номер телефона и адрес подружки.

– Скажите, Ольга, вы только вчера открыли этот пелин? До этого момента он был запечатанным? – спросил Гурьев.

– Да, разумеется. Но Катя-то с Виктором, они тоже пили его и ничего особенного не заметили… Вернее, с Катей все в порядке, Виктора-то я не спрашивала…

– Надо бы узнать его телефон.

– Не уверена, что Катя его даст.

– Если я скажу ей, что она подозревается в убийстве… – сказала Глафира.

– Каком еще убийстве?

– Судя по всему, доза снотворного была огромной… – поддержал ее мысль Гурьев. – И передозировка могла бы привести к летальному исходу. А потому можно легко предположить, что ваша подруга могла подсыпать в ваш фужер снотворное…

– Да нет… Зачем ей это?

– Может, приревновала к любовнику, – предположила Глафира. – В любом случае, нам просто необходимо с ней встретиться и задать ряд вопросов. А заодно попытаться выяснить номер телефона Виктора. Фамилию его знаешь?

– Конечно, нет!

– И как давно они встречаются?

– Несколько месяцев, точно не знаю.

– Собирайся, Олечка, поедем.

– Глаша, ты обещаешь мне, что вся эта ужасная история останется в тайне?

– Обещаю. Но на твоем месте я бы написала официальное заявление, и тогда бы насильника искали всем миром, что называется. К тому же, вполне возможно, что подобные преступления были совершены им и с другими женщинами… Вот и представь себе, что все молчат. Всем стыдно, и он, безнаказанный, проникает в квартиры одиноких беззащитных женщин, насилует их… Да, кстати, из твоей квартиры ничего не пропало?

– Нет-нет! Я все проверила. Деньги, драгоценности, все ценное лежит на месте.

– Очень странный преступник, – сказал Дмитрий. – Если у него произошло смещение всех моральных ценностей и он умеет проникать в чужое жилище, то что мешало ему прибрать к рукам ваши деньги? Не понимаю. Ладно, я попробую узнать, не было ли совершено в последнее время подобных преступлений в нашем городе и районе.

– Оля, ты все-таки подумай. Ведь преступник проник в твою квартиру. Надо бы сделать экспертизу всех замков, твоих ключей, потом тех ключей, которые ты дала своей подруге, которая пользовалась твоей квартирой для встреч со своим любовником… Я не понимаю, если честно, как вот ты, такая чистюля, позволила какой-то там подруге пользоваться твоей квартирой, постелью…

– Они не пользовались моей постелью, – живо отреагировала уже почти одетая, в курточке и джинсах Оля. – Это было одним из условий. У них есть своя постель, они стелили ее на диване в гостиной…

Она снова покраснела. И Глаша спросила себя, что двигало ею, когда она вообще давала этой Кате свои ключи.

– Постель… Я все понимаю насчет экспертизы… Понимаю и не знаю, что мне делать! – воскликнула Оля со слезами в голосе. – Этот гад испоганил всю мою постель… Я же постелила новое белье… А оно сейчас все серое… Словно на нем лежала грязная собака…

– Так может, вызовем экспертов? – спросил Гурьев. – Надо обязательно взять на экспертизу все, из чего вы могли пить…

– Я пью кефир… На ночь, – вдруг вспомнила Оля. – Каждый день. У меня много таких бутылочек…

– Вот. Надо взять все целые бутылочки с кефиром из холодильника, а также пустые, из мусорного ведра, если такие, конечно, имеются… Далее. На простыне наверняка сохранились биологические следы этого мерзавца… Да и вы сами разве не хотите выяснить, кто над вами надругался?

– Хочу… Но что мне делать?

– Вам ничего не надо делать. Я сам все организую. И все экспертизы будут носить официальный характер. И расследование проведем параллельно официальному. Как? Мы вас уговорили?

– Соглашайся, Оля. Это будет правильно. Он должен понести заслуженное наказание. А так… Представь, что мы его нашли? И что? На каком основании его смогут задержать? Что предъявить, если нет ни одной официальной экспертизы?

– Хорошо, я согласна.

– Вот и отлично. Тогда я звоню Сереже Мирошкину, – сказал Гурьев. – Это очень хороший следователь, понимающий человек. Он все сделает, как надо. А мы ему поможем.

– Оля, пожалуйста, успокойся. – Глафира обняла подругу. – Вот увидишь, мы найдем этого подонка!

ГЛАВА 4

Лиза делала гимнастику, когда ей позвонили. И не успела она взять телефон, как раздался звонок в дверь.

– Сережа! – Она увидела на пороге своего друга, следователя прокуратуры Сергея Мирошкина. – Я так рада, что ты пришел! А то все как будто бы забыли о моем существовании…

– Я и не надеялся тебя здесь застать, знаю, что ты дома, ждешь прибавления…

– Ладно-ладно, можешь не продолжать. Я отлично себя чувствую, готова работать и работать. Больше даже тебе скажу – так хорошо я себя еще никогда не чувствовала, словно во мне две Лизы…

Сергей, в теплой куртке с меховым капюшоном, кареглазый, улыбчивый, не удержался и поцеловал Лизу в розовую щеку.

– Нет, все-таки беременные женщины похожи на мадонн…

– Проходи. Надеюсь, ты ко мне по делу?

– Да, по делу. Ехал мимо, подумал, что ты реально можешь мне помочь в одном деле…

– Убийство? – Лиза в предвкушении потерла ладони.

– Ты очень проницательна.

– Тогда проходи, располагайся. Никого нет. Я одна, так что нам никто не сможет помешать.

– Да, вообще-то, Глаша мне никогда не мешала, даже наоборот…

– Ты не понял! Просто они с Гурьевым объединились против меня. Не дают мне работать. Оберегают меня, как больную… Говорю же…

– Ладно-ладно, я все понял.

– Так кого убили? – Лизе не удавалось скрыть своего радостного возбуждения в предвкушении работы. – Чай? Кофе?

– От кофе бы не отказался.

Лиза, стараясь не подавать виду, что ей тяжеловато перемещаться, довольно бодро дошла до кофейного столика, включила электрический чайник.

– В прошлом году ты занималась поисками убийц одного человека… Фамилия его Горохов.

– Ну, такую фамилию трудно не вспомнить. – Лиза расставляла чашки на подносе. – Горохов Михаил Александрович. Хорошее было дело, трудное, запутанное. Все следы вели к чеченцам, а потом выяснилось, что его убил двоюродный брат. И была-то всего одна зацепка… Мне еще жена его помогла,

вспомнила некоторые, как бы случайно подслушанные ею разговоры мужа с братом… И что? Он воскрес?

– Лиза, не старайся казаться такой циничной. Тебе это не идет.

– Знаю-знаю, мне идет вязать кофточки и пинеточки. Ну уж дудки! Так что случилось-то?

– Ты помнишь его жену? Точнее, вдову?

– Ну да, отлично помню. Ее звали Люба. Люба Горохова. Ей сейчас должно быть где-то под сорок. Очень яркая женщина, умная, но какая-то шумная, а еще от нее всегда слегка так попахивало спиртным…

– Так вот. Вчера утром нашли ее труп. Ее изнасиловали и убили. Удушили.

Лиза уронила ложку, и она очень громко зазвенела на серебряном подносе.

– Как это? Кто?

– Если бы мы знали, кто это сделал, то вряд ли бы ты сейчас предлагала мне кофе… То есть я хотел сказать…

– Да поняла я все. Сережа, но она не из тех дамочек, которые по ночам разгуливают по паркам и скверам… Где ее насиловали? Прямо на улице, что ли? Что известно?

– Труп нашли в самом центре города, в одном тихом и одновременно бойком месте, на улице Яблочкова, неподалеку от мехового салона «Софи».

– Да-да, я знаю это место. Основной поток людей движется по проспекту Кирова, и лишь некоторые сворачивают на эту небольшую улочку, где расположен всего один меховой салон да еще маленькое Артистическое кафе на углу… И что? Где конкретно ее нашли?

– Да можно сказать, она лежала почти на ступенях…

– Следы волочения?..

– В том-то и дело, что нет.

– Может, ее привезли на машине?

– Такое возможно. Да только там таких следов… от протекторов – сотни…

– Да уж… Какая ужасная смерть! Ее ограбили?

– Судя по тому, что она была без верхней одежды, да. Я успел опросить только одну ее подругу, ты ее знаешь, Василису Иванову, известную в городе тусовщицу, и она сказала, что Люба в последнее время носила легкую такую шубу из рыси… Дома в гардеробе шубы из рыси не оказалось, однако на ее одежде, на свитере, юбке следы рысьего меха как раз присутствуют…

– И что ты бы хотел услышать от меня?

– Как ты думаешь, дружки осужденного гороховского брата не могли вот таким образом отомстить семье, в частности Любе?

– Я думаю, что если бы ветер дул с той стороны (а брат сидит, и крепко), то к Любе подкатили бы совершенно иным способом, ее просто-напросто заставили бы подписать определенные документы, позволяющие распоряжаться всеми ее активами, имуществом. И убивать ее вряд ли стали бы. Зачем? Зачем им мертвая Люба? Да еще и изнасилованная… Нет. Так что, Сережа, если ты хотел узнать мое мнение, то эта версия отпадает сразу. Грабеж – вот это мотив. Шубка из рыси опять же. А деньги взяли? Украшения?

– Деньги взяли. Не все, правда, но взяли. Кошелька в сумке не было, а вот несколько тысяч рублей завалялись на дне… Поэтому я и предположил, что деньги, основная сумма, были все-таки в кошельке. С шеи сорвана золотая цепочка (об этом мне рассказала Василиса) с кулоном в форме сердца.

– Оригинально, – усмехнулась Лиза. – А что известно о ее личной жизни?

– Василиса рассказала, что у Любы могло быть параллельно сразу несколько любовников. Перманентных, как она выразилась. Горохова любила шумные и веселые компании, любила выпить… Благо деньги водились. Своих гостей она обычно принимала в загородном доме в Михайлово, на Волге, а вот в свою городскую квартиру пускала только избранных, в основном мужчин…

– И что это были за мужчины, со слов Василисы?

– Да кто угодно. От бизнесменов, дружков мужа, до студентов, которых она обожала и любила устраивать «благотворительные» вечера.

– Что это за вечера такие?

– На этих вечерах разыгрывались так называемые стипендии для очередных любовников… Но стипендии эти как раздавались, так же, с легкостью, и забирались. Вернее, прекращались. Разлюбит она какого-нибудь паренька, вот и забывает о нем, перестает переводить на его счет деньги… Ну, бесилась дамочка с жиру!

– Да уж… Кто знает, может, один из таких, как ты говоришь, пареньков и решил ей отомстить за унижение? Молодые парни, особенно если они чувствительны, да еще и влюблены по уши, способны и не на такое… Хотя убийство – это чересчур… Но в любом случае надо прорабатывать все ее любовные связи.

– Я уже составил небольшой список, и мне в этом, как ты понимаешь, также помогла Василиса.

– Ну надо же… Люба Горохова. Я отлично ее помню. Рыжеволосая такая, яркая… Да, именно яркая. Словно ее нарисовали, особенно губы… Ярко-красные, пунцовые, я бы даже сказала. И ведь не особенно красивая, ее сильно портил слишком большой нос, да и губы были крупные…

– Лиза, что-то ты ударилась в эстетику!

– А я вообще обращаю внимание на все красивое. И мне ее от души жаль, хотя мы были знакомы шапочно…

– Зато она благодаря тебе узнала, кто убил ее мужа.

– Думаю, она была неплохим человеком, вот только очень одиноким. И понимала, что ее вряд ли кто сможет полюбить не за деньги. Разве что если она притворилась бы бедной и несчастной, и если бы в этом случае в нее действительно кто-то искренно влюбился, вот тогда бы она поверила в любовь. Мне жаль, жаль ее… О, кстати говоря! Знаешь, куда уехала Глаша? Ее подругу этой ночью тоже изнасиловали. Причем в собственной же постели. Она была одна, да и любовников у нее в последнее время не наблюдалось. И что делается с мужчинами?

– На самом деле странная история… Мне Гурьев звонил, мы встречаемся с этой девушкой завтра… Ну так что? Поможешь с Гороховой?

– А что, есть кто-то, кто хочет узнать имя убийцы?

– Есть.

– И ты до сих пор молчал? Кто это?

– Василиса. Как ты сама не догадалась?

– Действительно. Что ж, пусть приходит ко мне. Побеседуем. А ты уж помоги подруге Глаши, она сейчас в таком состоянии…

– Да ясно, поможем. Ладно, Елизавета, спасибо за кофе. И вообще за все. Ты, Лиза, лучшая из всех! – Мирошкин поцеловал ее в щеку и поспешил к выходу.

После того как за ним захлопнулась дверь, Лиза встала и подошла к зеркалу. Провела пальцем по пигментным пятнам на лице, поморщила нос и вздохнула.

– Послушай, малыш, – она легко похлопала себя по животу, – думаю, я приняла правильное решение. Нам с тобой было бы скучно дома, ведь так?

Она закрыла глаза и улыбнулась представленному. Вздохнула как-то восторженно-радостно и с блаженной улыбкой на лице вернулась за письменный стол.

ГЛАВА 5

Ирина Васильевна Аленькая, тридцати пяти лет, красивая шатенка с фиолетовыми глазами, сидела в своем кабинете, на двери которого блестела золотая табличка «Директор», и просматривала иллюстрации к новой детской книге «Алиса в стране чудес».

Она всего несколько месяцев руководила небольшим и очень перспективным издательством «Алые паруса» (название придумалось как-то само, родилось от яркой фамилии Аленькая) и, через подставное лицо, свою родную сестру, типографией, оснащенной по последнему слову техники. И с невероятным удовольствием, находясь в эйфории от предоставленных ей возможностей, творила, выпускала прекрасные книги в прекрасных переплетах и с прекрасными иллюстрациями…

Вот и сейчас она держала в руках рисунки талантливейшего местного художника Василия Музыченко к «Алисе» и представляла себе, какой фурор они произведут на книжном рынке. Представляла себе также и то, как повезет несколько сигнальных экземпляров этой книги в Москву, покажет своим коллегам и друзьям и как удивятся они иллюстрациям, прелестной обложке, как похвалят, что она не поскупилась на дорогую бумагу и золотое тиснение… Потом будут сказки Братьев Гримм, Андерсена, Линдгрен… Еще она придумала серию древнегреческих мифов, да только не сами мифы, а целые романы, написанные ее знакомыми местными литераторами на эту тему. И иллюстрации уже рисует Вася Музыченко…

Конечно, ее снова спросят, откуда она берет деньги, и снова ей придется придумывать какую-нибудь отговорку о спонсорах, депутатах, чиновниках. На самом же деле ее издательство благополучно (даже можно сказать, красиво, изящно) отмывало деньги ее любовника (господина К.), местного чиновника, вплотную сотрудничавшего с крупными наркодельцами-азербайджанцами. Сначала планировалось открытие сети мебельных магазинов, торгующих итальянской мебелью и французскими каминами, затем решили, что это слишком уж бросается в глаза, и придумали открыть несколько тихих и очень дорогих издательств в провинциальных городах. Вот одним из таких издательств и руководила Ирина Васильевна.

И если в начале их бурного романа с господином К. ее больше всего интересовали их отношения и она страшно ревновала его к его жене и остальным любовницам (о которых узнавала от доброжелателей), то потом, уяснив себе, что их связь, пусть и короткая, послужила началу ее карьеры и личному обогащению, как-то успокоилась. Пришла в себя и научилась не думать о К., занималась всерьез новыми издательскими проектами, а потом и вовсе завела себе молодого, правда, женатого любовника. Временами она так увлекалась, что забывала, насколько опасна ее финансовая (теперь уже) связь с К., и что в любую минуту ее издательством могут заинтересоваться. Но все-таки большую часть времени она держала в голове эту возможную опасность и готовилась дать ответ. Ответом на подозрения в преступлении (которое она, конечно же, не совершала) должна была быть папка с документами, подтверждающими ее легальную деятельность. И эта папка всегда была наготове.

Еще Ирина Васильевна с большим подозрением относилась к визитам незнакомых ей людей (не авторов, не творцов), которые интересовались издательством, предлагали какие-то совместные проекты. Она ловко избегала повторных контактов, ссылаясь на загруженность и «полный портфель» планов.

И вот однажды на пороге ее кабинета возник высокий, бледного, «творческого» вида молодой мужчина. Секретарша Вика доложила: автор.

Шитов Валерий Аркадьевич. Он мялся возле порога с той неуверенностью непризнанных «гениев», каких немало повстречала Ирина Васильевна на своем издательском пути и от которых ее уже потихоньку начинало подташнивать. Она не любила графоманов и видела их всех насквозь. Вот и этот тоже возомнил о себе бог знает что.

– Я бы хотел издать книгу, – сказал он неуверенным голосом.

Ирина Васильевна успела заметить пусть забрызганные грязью, но хорошие замшевые ботинки, теплую куртку с меховым капюшоном. Слегка вытянутое лицо, умные глаза, хрящеватый крупный нос, тонкие губы. Видно сразу, что увлеченная, страстная натура.

– Книгу? Какую же? – вежливо спросила Аленькая и перевела взгляд со спутанных длинных волос посетителя на хризолитовое деревце, украшавшее ее письменный стол. Настольная лампа, которую она включала в такие вот пасмурные темные дни, заставляла хризолиты переливаться, играть всеми тонами зеленого.

– Я поэт и писатель, у меня есть стихи, поэмы, романы, повести, рассказы… Раньше я все это писал, так сказать, в стол. Но теперь вот осмелился показать их миру.

– Замечательно. Но вы пришли с пустыми руками…

– У меня все дома. Просто я хотел сначала узнать, возьмете ли вы мои рукописи на рассмотрение, а потом уже, в случае положительного ответа, принесу всю пачку.

– А с компьютером не дружите?

А на языке вертелось: что, молодой человек, слабо заработать на компьютер?

– Дружу. У меня дома есть очень хороший компьютер и ноутбук. И я на них работаю. Но потом все-таки покупаю бумагу и пропускаю все свои творения, так сказать, через принтер. Мне важно увидеть все это в напечатанном, бумажном виде, понимаете? Словно я уже держу в своих руках книгу… Вот такой самообман… – он захихикал, и Аленькая заметила, что у него, вопреки ее ожиданиям, неплохие и чистые зубы.

– Вы не думайте, я не какой-нибудь там… безработный, который кропает стишата с утра до вечера и мается от того, что его не признают… У меня работа, я хорошо зарабатываю, обслуживаю фильмы, я компьютерщик… Ирина Васильевна, пожалуйста, почитайте мои стихи. Они про любовь. Это настоящие стихи. Да и романы мои тоже про любовь, про жизнь… Одно время мне пришлось пожить в Антарктиде, я познакомился там с одной молодой женщиной… Мы занимались с ней очень интересной проблемой… Даже не проблемой, а проверяли одну информацию, касающуюся тайн, которые хранит в себе Антарктида…

«По-моему, он все же нормален», – подумала озадаченно Аленькая.

– И что это за тайны?

– О них-то я и написал свои книги. Там и история, и версии, и романтическая любовь в снегах… Дело в том, Ирина Васильевна…

– Да вы присаживайтесь… Валерий…

– Можно без отчества, просто Валерий. Так вот. Может быть, вы слышали, что в августе 1944 года руководство гестапо и СС собралось на секретное совещание в страсбургском отеле «Мезонруж». Встречу руководителей направлений секретных служб проводил обергруппенфюрер СС Эрнст Кальтенбруннер. Господа из военной разведки СД и гестапо обсуждали и утверждали планы бегства верхушки нацистской Германии из Европы, которую скоро должны были занять войска антигитлеровской коалиции. Поначалу основным направлением бегства была выбрана Южная Америка. В операции под кодовым названием «Шлюз» были задействованы силы резидентуры СС и СД по всему миру. Операция «Шлюз» спасла жизни многим высокопоставленным нацистам. Советская разведка также не отставала и имела прямой канал выхода на первого заместителя по национал-социалистической партии Гитлера Мартина Бормана. В Москве уже в конце войны были известны детали операции Мартина Бормана «Рейнгольд» – «Золото Рейна», которую он начал в середине 1944 года. Объявленная государственной тайной, эта операция состояла в эвакуации из Европы основных ценностей нацистской партии и СС. Прятались драгоценности, бриллианты, делались тайные вклады…

– Постойте, но какое отношение это имеет к Антарктиде?

– Да самое прямое, – теперь голос Валерия звучал уверенно. – Операция лично контролировалась Гитлером. Нацистам удалось спрятать ценностей на несколько сот миллионов долларов. Эти капиталы до сих пор работают на организации, входящие в «Черный интернационал». За этими средствами охотились спецслужбы США и СССР, и, как известно, часть этих средств использовалась ими для операций в послевоенной Европе. Известны некоторые детали операции «Рейнгольд». Вывоз ценностей осуществлялся из Европы, блокированной флотами союзников, на трех подводных лодках. Известны фамилии капитанов подлодок: Гейнц Шафер, Ганс Вермут и Дитрих Нибур. Тайная погрузка осуществлялась в порту Сен-Назер, а выгрузка – в укрытиях на побережье Аргентины, Патагонии, Бразилии и… Антарктиды. И, что самое

удивительное, мы нашли несколько тайников, вот только они покрылись толстым слоем льда…

– Вы так уверенно говорите про это… Но это же сенсационный материал!

– Вот и я об этом же! Вы думаете, почему я не пришел к другому издателю, а выбрал именно ваше?

– Почему?

– Да потому, что видел в книжном, какие прекрасные вы издаете книги. Просто роскошные… Вот я и подумал, что прежде, чем прессе станет известно о результатах нашей экспедиции (а она была частная, можно сказать, и финансировалась группой заинтересованных лиц), мы издадим эту книгу, заработаем кучу денег, и эти деньги станут моим вкладом в организацию следующей экспедиции…

Ну, вот теперь стало понятно, почему этот Валерий Шитов выглядит таким странным. Он действительно увлечен. Но только не своей персоной и стишатами о любви, а мощной и интереснейшей идеей! И ему так захотелось поверить…

– Вам интересно? – спросил он, поднялся со стула и заглянул прямо в глаза Ирине Васильевне.

– Да, очень… – Она почувствовала даже какое-то волнение. – Приносите свою работу, я сама лично ознакомлюсь.

– Когда?

– Да хоть сегодня!

– Отлично. Вам никто не говорил, что вы очень красивая женщина? И что вам очень идет этот цвет помады… Кроваво-красный…

– Вот только этого не надо, – строго произнесла Аленькая. – Это что еще за намеки?

Сказала и пожалела. Зачем сказала слово «намеки»? Хотела же сказать совершенно другое. «Хамство» или «что вы себе позволяете?». А получилось, что она восприняла этот как намек. Какая глупость! И нелепость!

– Знаете, у меня есть одна идея…

– Еще одна идея? – Усмешка тронула ее густо накрашенные красные губы. А он прав, у нее действительно очень яркие губы, об этом ей неоднократно говорил К., который ужасно любил ее целовать, но всегда сдерживался, чтобы не перепачкаться помадой. А что, если он и завел себе других любовниц из-за этой помады? Сейчас, после слов Валерия, ей показалось, что губы ее стали в несколько раз тяжелее от толстого слоя жирной душистой массы.

– Ну да. Я же вижу, что заинтересовал вас. Мои романы и стихи – это одно. Я бы мог рассказать вам много интересного с глазу на глаз. Может, выслушав меня, вы бы посоветовали, в какую литературную форму все это облечь? Вы же профессионал, вы бы так помогли мне…

– Так расскажите!

– Только не здесь и не сейчас. Давайте встретимся сегодня вечером в центре, знаете, на улице Яблочкова есть одно маленькое кафе, между прочим, там неплохо кормят. Я закажу столик предварительно. Как? Договорились?

Ей было приятно, что она интересует этого молодого мужчину как женщина. Она поняла это сразу. Даже разволновалась под пристальным взглядом его горящих темных глаз. Он был красив, этот писатель из Антарктиды. Красив и ужасно обаятелен.

– Хорошо, я приду. Но не раньше семи часов. Мне еще надо зайти домой.

– Муж?

– Да нет… Мужа у меня нет.

Сказала и снова пожалела о сказанном. Призналась, что одинока, что без мужа. Вздохнула. Потом подумала, что было бы куда хуже, если бы она наврала. Он же

местный, все равно навел бы справки. И тогда в каком свете она бы выставила себя? Нет, все нормально. Она сказала правду.

– Вот и хорошо, что нет. Вы будете чувствовать себя спокойно, и мы сможем подольше обо всем поговорить. Значит, в кафе на Яблочкова, кажется, это Артистическое кафе, это рядом…

– Знаю-знаю, там еще такой маленький меховой магазин «Софи»… Я там, кстати, недавно купила полушубок из шиншиллы…

– Жаль…

– Что жаль?

– Что вы носите шкуры убиенных животных… Ну да ладно, у каждого свои принципы… – Он словно заставил себя улыбнуться, и Ирина Васильевна подумала, что он, вероятно, еще и «зеленый», защищает природу и животных. Что ж, это его принципы. У нее – свои. Мех шиншиллы – прекрасный, и шубка из него не столько греет, сколько поднимает ее в глазах окружающих. Она решила не думать об этом. Улыбнулась и пообещала прийти в половине восьмого к кафе.

– Только, пожалуйста, прошу вас, не обманите меня. Я же настроен весьма решительно и серьезно, – сказал он полушутя.

– Хорошо. Я приду.

Он ушел, и она сразу же настрочила в чистой колонке скайпа одной свой знакомой, тоже издателю, в Москве:

«Аленькая: Татка, это я. Скажи, ты что-нибудь слышала о том, чтобы золото Рейна прятали в Антарктиде?»

Написала, но не отправила. Даже руку отдернула. Подумала, что этим вопросом может натолкнуть подругу (и одновременно конкурентку по издательскому бизнесу!) на идею! Начнутся вопросы и все такое… Стерла текст. Забралась в Яндекс, нашла несколько сайтов, посвященных это теме, и успокоилась. Не обманул, не придумал, обворожил, удивил…

Ирина Васильевна достала сумочку и стала собираться. И хотя времени до встречи (свидания?) было еще много, надо было успеть привести себя в порядок, продумать одежду и украшения, выбрать духи. Она взглянула в зеркальце и, оставшись довольна своим отражением, захлопнула пудреницу.

«Вам никто не говорил, что вы очень красивая женщина?»

ГЛАВА 6

Глафира с трудом уговорила Мирошкина, чтобы он позволил ей опросить друзей Оли Болотниковой. Пока Оля, согласившись с доводами Глаши, писала заявление в прокуратуру, сама Глаша была уже на пути к дому, где жила Катя Веретенникова. Та самая, что распивала вместе с Олей и своим любовником по имени Виктор лозаревский пелин и которая могла подробнее описать прошедший вечер.

Дверь открыла невысокая хрупкая молодая женщина, растрепанная, закутанная в огромную теплую шаль. Черные колготки, толстые красные носки. Видно было, что ее только что разбудили.

– Меня зовут Глафира Кифер, я помощница адвоката Елизаветы Сергеевны Травиной, ведущей дело вашей подруги Ольги Болотниковой о незаконном проникновении посторонних в ее жилище.

– А… Понятно. Что ж, входите. Но только учтите, ничего нового я вам не расскажу.

Квартира была небольшая, захламленная и прокуренная. И хотя Глаша находилась здесь не больше нескольких минут, успела почувствовать, что, помимо Кати и ее мужа, вечно пропадавшего в командировках, здесь прочно поселилась тоска. Она глядела на нее из-за потускневших стеклянных створок серванта, мутных пропыленных ваз с безжизненными пластмассовыми розами, из приоткрытых дверей старомодного платяного шкафа. Несчастьем и отчаянием веяло из холодной, с пустыми кастрюлями и мертвым холодильником кухни.

Глаше подумалось, что, будь Катя счастлива в своем браке, все здесь выглядело бы иначе, и не появился бы в ее жизни непонятный и бездомный шалопай Виктор. И не проводила бы она вечера в чужих квартирах, не распивала бы сомнительный пелин, не играла бы от скуки в карты, а сидела бы дома, рядом с мужем, и кормила бы его котлетами.

– Давай на «ты», а? – предложила Глафира, хотя практиковала этот прием крайне редко. Сейчас же она видела перед собой запутавшуюся, несчастную женщину, не знавшую, как ей жить дальше, и одновременно с вопросами захотелось помочь ей доверительной беседой, способной открыть глаза на некоторые жизненно важные вещи. На любовь, например.

– Давай… – Катя удивленно захлопала длинными ресницами.

– Кто такой этот твой Виктор?

– Рассказала… Вот ведь скрываешься, стараешься, а самые близкие люди… выдают…

Однако произнесла она это не с презрением, не со злостью, а как-то слишком равнодушно или даже устало.

– А может, как раз наоборот?

– В смысле?

– Вы с Виктором ушли, а вот твоя подруга, Оля, накачанная сильнейшим снотворным, уснула, и пока она спала, в квартиру кто-то проник…

– Да глупости! Никто и ничего ей не подсыпал. Мы хорошо посидели, выпили болгарского вина или… как его там… пелина. Ели сыр, ветчину, картошку с маслом… Все было замечательно, весело… Да только мы все чувствовали, что наше веселье какое-то поверхностное, что ли…

– Расскажи про Виктора.

– Мы познакомились у одной моей знакомой, у которой он ночевал. Нет, не в том смысле, что ты подумала. Просто у него нет жилья. У него какие-то сложности с жильем, его жена выгнала, вот он и мотается по знакомым. Тоня, у которой он ночевал, женщина в годах, но она прекрасный человек, всегда всем помогает, это уже такой тип человека… У Тони был день рождения, я пришла поздравить ее и там познакомилась с Виктором. Он очень красивый, да только слабый. Любитель выпить, погулять. Мне кажется, что мы полюбили друг друга. Да только я замужем, хотя мужа никогда не любила. И он знал об этом, когда делал мне предложение. Только я не понимаю, какое отношение это имеет к Оле?.. – Она поморщилась, как от боли.

– Виктор не мог подсыпать ей снотворного в вино?

– Нет. Он на такое не способен. Он вообще ни на что не способен, разве что… Сама понимаешь.

– Ты сказала, что ваше веселье было поверхностным. Что ты этим хотела сказать?

– Что нам всем было внутри как-то неуютно и грустно, понимаешь? Оля знала, что, когда мы уйдем, она останется совсем одна. Виктор знал, что ко мне нельзя, что муж должен вернуться со дня на день, я точный день не знаю, но чувствую, что он скоро приедет…

– То есть ему снова негде было ночевать.

– Да дело разве только в ночевке? Он какой-то неустроенный. У него и работы нет, живет на те деньги, что успел скопить, пока жил со своей женой. Она у него богатая барышня… Так вот. О грусти. Я грустила от того, что не хочу с ним расставаться. И не хочу, чтобы возвращался мой муж. Однако мы старались изобразить веселье и беззаботность. Трое взрослых людей, запутавшихся в этой жизни.

– Итак. Вы с Виктором ушли. Когда это было?

– Точно не помню, но, кажется, за полночь. Время меня не интересовало. Мы попрощались, Оля проводила нас до двери… Да, точно, до двери. Из квартиры она не выходила, осталась стоять на пороге. Подождала, пока лифт приедет, и,

когда мы в него вошли, думаю, тогда-то она и вернулась домой, заперла дверь. Конечно, я не могла этого видеть, но она должна была это сделать на автомате.

– А как ты сама спала?

– Обычно. Хотя нет. Около трех часов ночи даже проснулась. Мне показалось, что по квартире кто-то ходит. Но никого, конечно же, не было. Просто мне хотелось, чтобы в квартире кто-то появился. Даже муж, которого я не люблю. Но он так еще и не приехал…

Как Глафира и предполагала, совершенно незнакомая ей Катя, сама того не ожидая, обрадовалась возможности поговорить с кем-нибудь о своей любви к Виктору и нелюбви к мужу. И Глафира готова была с ней беседовать, сочувствовать ей и переживать, однако в душе она понимала, что никакого толку от нее она все равно не добьется. Что Катя действительно понятия не имеет, кто мог подсыпать (или подлить) снотворное в вино (или во что-нибудь другое), чтобы усыпить Олю, чтобы потом, воспользовавшись ее состоянием, изнасиловать.

Конечно, рассказав ей всю правду, возможно, она заставила бы Катю напрячься и вспомнить любые мелочи, детали прошедшего вечера, но она дала слово Оле молчать об этом. А потому выходило, что она пришла к Кате исключительно для того, чтобы побеседовать с ней о том, кому могло понадобиться проникнуть к ней домой, и только. Она ждала естественного в этой ситуации вопроса: а какой смысл был постороннему проникать в ее жилье, чего он там забыл? И вопрос последовал.

– Послушай, ты вот все говоришь, что в квартиру кто-то проник… И что? Чего похитили-то?

– В том-то и дело, что ничего.

– А Оля как? Ее не тронули?

– Нет. Во всяком случае, она ничего не сказала.

«Видела бы ты, подружка, разбитое лицо Оли», – подумала Глафира.

И вдруг ей стало не по себе при мысли, что она попусту тратит время. Она знала это ощущение, оно было неприятным, досадным и даже каким-то стыдным. В такие минуты Глафира чувствовала себя настоящей самозванкой. Подумалось: а как бы на ее месте повела себя Лиза? Промолчала бы про то, что Олю изнасиловали? Пощадила бы ее, понимая, что эта информация не задержится и что Катя молчать не будет, и вскоре все знакомые будут знать о постигшем Олю унижении. Или придумала бы нечто такое, что заставило бы Катю разговориться?

– Я понимаю, что мало помогла тебе… Но если ничего не украли, а ты здесь, специально приехала ко мне, чтобы поговорить, задать вопросы… Так, может, что-то все-таки произошло?

– Ее избили, – неожиданно для себя сказала Глаша. – Но она не хотела, чтобы об этом знали. Ей разбили лицо. Теперь понимаешь, почему я здесь?

– Избили? Ужас какой! Теперь, во всяком случае, многое встает на свои места. И этот ее странный утренний звонок… Но, поверьте, я ничего такого не заметила. Правда. И Виктор не способен на такого рода вещи… Подсыпать снотворное… Нет. Он слишком слабый для этого, да и смысла во всем этом не было! С какой стати ему избивать Олю? Она нас так прекрасно встретила… Нет, это исключено. Вы не там ищите.

– Может, и не там, но проверить нужно. Пожалуйста, запиши мне его телефон. Это очень важно. К тому же если он сумеет меня убедить в том, что его ночью у Оли не было, то его не станут беспокоить люди из прокуратуры…

– Хорошо, я дам тебе его телефон. Тем более что я сама в этом заинтересована. А он, я думаю, простит меня за это. Все-таки причина серьезная, Олю избили… Он сам постарается сделать все возможное, чтобы вы не подозревали его.

– Вот и хорошо. Подскажи, как лучше его искать? Позвонить и договориться о встрече или же ты знаешь, где он сейчас?

– На девяносто девять процентов – у Тони. Там тихо, нейтрально, всегда вкусная еда, и там ему никто не станет задавать лишних вопросов. Тоне пятьдесят три, но выглядит она значительно моложе. Она – замечательная. Думаю, если ты его там застанешь, то и беседа у вас пойдет как по маслу. В ее присутствии он не

станет лукавить, лгать. Но я понимаю – у тебя работа такая, все проверять. Вот, держи, это ее адрес и оба телефона – Тонин и Виктора.

– Спасибо, Катя. Ты мне очень помогла. И еще вопрос. Кто-нибудь мог незаметно взять у тебя ключи от Олиной квартиры?

– О, нет, это совершенно исключено! Я их, можно сказать, не выпускала из рук. Ключи – это мои свидания с Виктором, понимаете?

– Да, понимаю. Но, может, у тебя был кто-то посторонний в квартире?

– Нет. Никого. Я человек не общительный… Ко мне, не помню уже когда, приходили даже слесаря, или сантехники, или электрики… Нет, точно могу сказать, что у меня никого не было.

– Вот и хорошо. Еще раз спасибо тебе, Катя.

И уже перед тем, как уйти, Глаша не выдержала и сказала:

– У тебя такой несчастный вид. Это не мое дело, но раз все так плохо, так разведись. Обрети свободу. Вот увидишь, ты станешь легче дышать. И тебе захочется вымыть окна…

Катя судорожно схватилась за сигарету.

…Сумерки опустились на город, и все вокруг поглотил густой туман. Сквозь его серую влажную вату светились лишь пятна окон, за которыми была жизнь, за которыми люди прятались от холода, унылой мглы, от осени.

Дом, в котором жила Тоня Круглова, Глафира нашла быстро. Вошла в подъезд, отметила про себя, что дом хороший, хоть и старый, что люди в нем живут приличные – все вычищено, на подоконниках цветы, в лифте – сверкающее, без пятнышка, зеркало.

Она позвонила в квартиру, услышала тихий шорох за дверью, затем дверь открылась. Глаша увидела невысокую, в домашней вязаной тунике и черных

широких брюках женщину. Стрижка каре, цвет волос пепельный, синие внимательные глаза и очень маленький аккуратный нос.

– Вы Антонина Круглова? – Она не посмела назвать ее Тоней.

– Да, это я. Вы ко мне?

– И да, и нет. Мне надо поговорить с вашим гостем – Виктором. Он сейчас у вас?

И, уловив чуть заметное движение Тони в ту сторону, где, вероятно, находится Виктор, опередила ее возможное желание скрыть правду:

– Пожалуйста, не прячьте его от меня. Так будет лучше для всех. Я представляю адвоката одной его знакомой, которая попала в скверную историю, и поэтому ему лучше рассказать всю правду, чтобы с него сняли подозрение в причастности к преступлению, которое он, скорее всего, не совершал…

Она заканчивала фразу, когда за спиной Тони появился худощавый мужчина в махровом синем халате и смешных, в виде плюшевых щенков, тапочках.

– Виктор, это к тебе, – сказала извиняющимся тоном Тоня. – Проходите, пожалуйста.

– Спасибо.

Глафира разулась, Тоня предложила ей пройти в просторную уютную комнату, где на столе, накрытом белой вышитой скатертью, стояли чашки с недопитым чаем и блюдо с пирожками. Такая вот спокойная уютная обстановка, сильно отличавшаяся от той, в которой жила и грустила Катя Веретенникова, явно уставшая от роли восторженной и счастливой любовницы. Глафира, глядя на то, как по-семейному выглядит пара – Виктор и Тоня (и это при том, что Тоня была значительно старше Виктора), вдруг поняла что-то важное в этом треугольнике, но заставила себя не думать об этом. В сущности, все это вряд ли имело отношение к изнасилованию Оли.

Виктор не выглядел испуганным, просто немного растерянным, прячущим глаза, как и все мужчины, не разборчивые в своих связях, которые где-то очень глубоко

стыдятся этой своей неразборчивости и подлости. Измена женщине, пользование ее доверием, деньгами и кровом становятся нормой их жизни и лишь в редкие минуты вызывают стыд. Вот как в этот раз. Если Виктор, подумала Глаша, не имеет отношения к тому, что произошло с Олей, то его напряжение, которое чувствуется во взгляде и даже в движениях, может быть связано лишь со страхом быть в очередной раз разоблаченным одной из своих любовниц.

Она коротко рассказала ему о ночном визите преступника в квартиру Оли. Виктор широко раскрыл глаза и медленно перевел взгляд с Глафиры на Тоню.

– А при чем здесь я? Вы что, подозреваете, что это я вломился к Оле домой ночью?

– Он был у меня, – спокойно произнесла Тоня. – Хотите чаю?

– Можно. Знаете, на улице такой холод…

Тоня вышла из комнаты, и за эти минуты, что ее там не было, Виктор не произнес ни слова. Он, уставившись в одну точку, думал. Глафира попыталась задать ему какие-то наводящие вопросы, но он никак не отреагировал на них, словно не слышал, словно был в это время очень далеко. И только когда Тоня вернулась, он вдруг словно ожил, очнулся и заговорил быстро, сумбурно, пытаясь ей доказать свою невиновность:

– Мы просто поужинали и сыграли в карты… А потом ушли. И никого я не собирался ни грабить, ни усыплять, ничего такого… Тоня, ты веришь мне? Веришь? Обещаю тебе, все скоро изменится, и я поговорю с Катей, просто мне надо знать… Ты сама знаешь, о чем я. Мне, кроме тебя, никто не нужен. Это правда. Но я не могу жить здесь, в твоей квартире, ведь мне ну совершенно нечего тебе дать. Что мне делать?

Здесь, на глазах Глафиры, разыгрывалась настоящая драма! Ну, все, как она и предполагала! В той недосказанности, которая чувствовалась в словах Виктора, заключалась та тайная, внутренняя мужская жизнь, которой он и жил, неуверенный в себе и финансово зависимый от женщин. И еще Глафира поняла, что ему хорошо с этой женщиной не только из-за того реального комфорта, тепла и вкусной еды, что для мужчины всегда являлось немаловажным, что он,

возможно, любит ее как человека, чувствует, что любят и его. И ни с кем не делят. И не прилагают никаких усилий, чтобы оставить его при себе. Он сам готов развязаться со своей прошлой жизнью и бросить своих любовниц, лишь бы его оставили здесь навсегда.

Он повернулся к Глаше и покачал головой:

– Ну, посмотрите на меня. Я что, похож на вора? Что у нее унесли? Ведь если ее били, значит, хотели, чтобы она отключилась, чтобы ограбить ее квартиру, я так понимаю… Но я не подлец, я не вор, не грабитель, не бандит! Я много лет люблю вот эту женщину, но не имею права жениться на ней потому, что я нищий! Так сложилось в моей жизни…

Глаша понимала, что он говорит не столько для нее, сколько для Тони. Чтобы она услышала это признание в любви пусть даже и таким нелепым образом.

Говоря о своей любви к этой моложавой, пятидесятитрехлетней женщине, которая (и это трудно было не заметить) тоже любила его, он весьма эмоционально жестикулировал, и Глаша разглядела его красивые руки, изящные пальцы. В этом заблудившемся в своих любовницах мужчине чувствовалась порода. Он был красив той внутренней красотой, которую накладывает на лицо страсть. Вероятно, он был страстным мужчиной. И одновременно, в быту, ленивым. И нерешительным тоже. И спасти его могла лишь одна женщина, которая никогда не претендовала на взаимность, которая жила вот этими встречами и принимала его у себя в те минуты, когда ему некуда было идти. Она предоставляла ему кров, наверняка у него была здесь своя кровать или диван в одной из ее комнат, а в шкафу выделена полка, куда Тоня складывала его чистое и выглаженное белье, пижаму, новые, с этикетками, носки. А в морозилке были заморожены его любимые голубцы или домашние пельмени, которые она лепила одинокими вечерами с любовью, с надеждой. Зная, что Виктор в это время целует других женщин, делит с ними ложе. И как она вообще еще жива?!

– Он был у меня, я могу это подтвердить. Всю прошлую ночь он провел в спальне. А чуть раньше, когда он только вернулся из гостей, – она намеренно не сказала «когда они расстались с Катей», чтобы лишний раз не травмировать себя, – мы с ним выпили чаю и смотрели фильм. Ты помнишь, как назывался этот фильм?

– Честно говоря, названия я не помню, – вновь оживился Виктор, – речь шла о женщине, ее звали Глория… Действие происходило в Нью-Йорке, она спасала одного мальчишку, пуэрториканца, я не запомнил его имя. Его родителей и сестру расстреляли бандиты, а Глория, такая сногсшибательная блондинка, ну просто роковая женщина, приблизительно сорока с лишним лет, взяла мальчика к себе и, рискуя жизнью, поскольку эти бандиты – ее приятели (она сидела в тюрьме), спасла его… Словом, отличный фильм, и мальчишка играет так, как если бы был профессиональным актером…

– Этот фильм так и называется «Глория», – подсказала ему Глафира. – Я тоже смотрела его ночью.

В сущности, здесь, в этом доме, ей было уже нечего делать. Ясно было, что не был он в квартире Ольги Болотниковой и уж точно не насиловал ее. Зачем ему кого-то насиловать, когда женщины и так вешаются ему сами на шею. К тому же Ольгу не ограбили. Да и представить себе, чтобы Виктор вот этими красивыми руками бил по лицу женщину, которая незадолго до этого кормила его ужином и поила вином, было невозможно.

Но история любви Виктора и Тони была замечательной. Редкой. А Катя уверена, что Тоня – существо почти бесполое и что за Виктора, который время от времени живет у нее, нечего бояться. Как же она заблуждается, эта Катя.

Глафира поблагодарила Тоню за чай, довольно прохладно попрощалась с Виктором и вернулась в машину. Несмотря на то что часы показывали всего семь часов вечера, на улице было темно. Совсем как ночью. И люди, словно сбитые с толку темнотой, сидели в своих квартирах и не высовывали носу.

На стеклах застыл слой влаги, искажая свет фонарей и светящихся окон Тониного многоквартирного дома. Все казалось каким-то нереальным, желеобразным, как это бывает в снах, когда на фантастических машинах можно проезжать сквозь дома-студни, разрезать вязкие мосты, тонуть в стенах квартир…

Она позвонила сначала Сереже Мирошкину, доложила о своих визитах, а он, в свою очередь, рассказал, что в квартире Ольги Болотниковой несколько часов работали эксперты, а сама Ольга побывала в лаборатории, где у нее взяли

анализы, потом позвонила Лизе. Та была уже дома, разговаривала с Глафирой весело, бодро, и чувствовалось, что она довольна своим первым, после долгого перерыва, днем. Глаша же была в недоумении от того, что после целого месяца добровольного домашнего ареста, связанного с беременностью, Лиза вдруг взбунтовалась и решила дожидаться родов на своем рабочем месте. И не страшно ей?

– Ты бы заехала к нам, – между тем щебетала Лиза. – Я сама, лично картошку пожарила. Не бог весть что, но Диме нравится. Глаша, ты чего молчишь? Расстроилась, что не обнаружила ни одной зацепки? Так на то это подлец и преступник, чтобы действовать преступным образом, понимаешь? Он же не идиот какой, чтобы сначала прийти в гости, оставить кучу следов, затем заявиться еще и ночью, изнасиловать одинокую женщину… Нет-нет, я с самого начала, как только ты мне рассказала эту историю, не поверила, что вечерние гости имеют отношение к этому изнасилованию. Тот человек, который изнасиловал Ольгу, либо больной, и ее счастье, что ее не убили, как Любу Горохову, либо он, возможно, питал к ней определенные сексуальные желания, на которые она не отвечала и в силу каких-то причин никогда не могла бы ответить, и единственный способ удовлетворить свое навязчивое желание или доказать ей, что он все равно добьется ее любой ценой, – это было усыпить ее и изнасиловать!

– Разве он не понимал, что оставит повсюду следы? На ручках двери, на всем пути следования до спальни, на простыне, наконец!

– Да все ты правильно говоришь, но даже если снимут отпечатки пальцев со всех возможных предметов и проведут экспертизу спермы, то с чем сравнивать-то? Понятное дело, что надо будет все равно вызывать этих «гостей» – Катю и Виктора, чтобы снять их отпечатки пальцев хотя бы для того, чтобы именно их исключить из всех остальных. Кроме того, не в лесу же Ольга живет. Надо бы проработать все ее служебные связи, симпатии.

– Да, я тоже об этом думала. Но у меня ситуация такая…

– Ты про Сергея? Помогай ему, чем можешь. Вот и все. И я, в свою очередь, тоже обещала ему помочь с поисками убийцы Гороховой. Господи, да что же это такое? Одно изнасилование за другим!

– Как чувствуешь себя, боец?

– Отлично. Особенно беспокоюсь за волчий аппетит, вернее за его последствия. Так не хочется потерять форму.

– Что ты делаешь завтра? Мне прийти в офис?

– Нет, лучше позвони Мирошкину, согласуй с ним свои действия. Я бы на твоем месте попыталась устроиться в Ольгину контору уборщицей или кем-нибудь в этом роде, чтобы собрать информацию о ее возможных воздыхателях. Если будет действовать Сергей, то только всех распугает. К тому же будет трудно скрыть правду. Ну не стоит молодой, незамужней и такой достойной женщине, как Оля, портить себе репутацию этим делом. Тем более что она твоя знакомая и ты обещала ей хранить тайну.

– Лиза, береги себя.

– Так ты не придешь к нам на ужин?

– В следующий раз, мне надо домой. Меня Адам ждет. И не звонит, потому что обижается, что я не звоню… Словом, так трудно всегда объяснять ему, что у меня работа такая… Он делает вид, что все понимает, но сто раз перекрестился бы, если я поменяла эту работу.

– А к картошке у меня маринованные маслята! – Лиза нанесла свой последний, сокрушительный удар. – Глаша, ты же сама меня учила, что маринованные маслята с картошкой – это классика!!!

Глафира улыбнулась, устало вздохнула и пообещала позвонить мужу, чтобы пойти к Лизе на ужин вместе.

ГЛАВА 7

Сергей Мирошкин вернулся к себе домой поздно, промерзший, голодный, открыл дверь, вошел в квартиру и, лишь послушав несколько мгновений приятную его

уху тишину, включил свет. И только в эту минуту почувствовал себя в каком-то другом измерении, которое он про себя называл своей личной жизнью. Все то, чем он жил и о чем думал вне дома, было как бы жизнью людей, которые окружали его, и только здесь, у себя, он мог позволить быть совсем другим человеком, принадлежащим себе и никому больше.

Не так давно от него ушла жена. Причина – известная всем мужчинам, которые большую часть своего времени проводят на работе. Не смогла так жить дальше, не выдержала, устала от одиночества и отсутствия внимания, встречала упреками, слезами, истериками, угрозами… Этот полный презрения взгляд, распухшее от слез лицо, сжатые маленькие кулачки, холодный ужин на столе, ночные, в подушку, рыдания. В последнее время он повторял ей одну и ту же фразу: «Ты знала, за кого выходишь замуж». Знала и не знала. Была ослеплена чувствами, новизной супружеской жизни. Потом все прошло, вместо любви в ее душе прочно поселились обида и непонимание.

Сначала Сергей тяжело переживал уход жены, все собирался ей позвонить и позвать обратно, объяснить, что он по-прежнему любит ее, что у них семья и что многие его коллеги по работе живут так же, как и они, и их жены ждут своих мужей (следователей, оперов, прокуроров да даже простых милиционеров, не говоря уже о военнослужащих или представителях других профессий, подразумевающих чрезмерную занятость на работе), рожают от них детей, любят их, что у них просто такой образ жизни! Но время шло, Сергей ей не звонил, все откладывал, откладывал, а потом вдруг решил для себя, что без нее ему живется как-то спокойнее. И что, оказывается, ничего страшного в том, что она его не встречает, нет. Он может и сам приготовить себе ужин, поесть и лечь спать. И спать будет, как убитый, а потому отдохнет, выспится и утром, в благостной тишине, выпьет свою чашку кофе, съест бутерброд и поедет на работу. И никто-то ему вслед не крикнет очередную грубость, не упрекнет, не пригрозит уйти…

Все. Ушла. И пусть. Теперь она живет у своей мамы, которая наверняка подыскивает ей нового мужа. Она деятельная, эта теща…

Воспоминания нахлынули и на какой-то миг поглотили его. И тут же отпустили. В доме было пусто, тихо, но не безжизненно. Наоборот, все оставшиеся после развода вещи словно ждали его.

Он включил свет, телевизор, поставил кастрюльку с водой на плиту, сунул в микроволновку замороженные сосиски, разделся, принял душ, надел любимые фланелевые широкие штаны, тенниску. Затем принялся готовить себе ужин. Отварил сосиски, пожарил яичницу, нарезал салат из помидоров, заварил чай. И только после того, как все дела были сделаны и он спокойно устроился перед телевизором с подносом в руках, он позволил себе окончательно расслабиться, отдохнуть и дать волю своим мечтам.

Оля Болотникова. Очень странное чувство охватило его, едва он увидел ее. Хорошо одетая, хрупкая, с заплаканным лицом, она сидела перед ним и отвечала на его осторожные вопросы, связанные с тем, что с ней произошло в прошлую ночь. Помня, что это подруга Глаши, он старался разговаривать с ней не как с допрашиваемой жертвой насилия, а как с близким и дорогим ему человеком.

Он за свою практику работы в следственных органах встречался с самыми разными женщинами – жертвами сексуального насилия. И, как это ни парадоксально, в большинстве случаев он не испытывал к ним сострадания. Быть может, это сложилось в силу вполне конкретных обстоятельств, связанных с желанием женщины (а чаще всего, молоденькой девушки, едва достигшей совершеннолетия) поправить свои материальные дела за счет случайного мужчины. Таких историй было немало, и, глядя на такую «жертву», нетрудно было представить себе ее образ жизни. Ночные бары, коктейли, короткие юбки, подведенные до ушей глаза, сигаретный дым, травка, алкоголь, неудержимый хохот, скандалы с родителями, секс с сомнительными приятелями на сомнительных вечеринках, синяки на ляжках, злость, зависть к более обеспеченным подружкам, визиты к венерологу, походы по дорогим магазинам, желание купить понравившуюся вещь, пустой кошелек, злость, злость, злость… Такие девушки не знают, что такое книга, где находится университет, сколько стоит литр молока, когда у младшего брата день рождения; у них нет своего стоматолога или гинеколога, они тратят последние деньги на пирсинг или тату, покупают литрами лак для волос и ногтей, знают все марки пива и их стоимость, вместо горячего супа на обед питаются разогретыми в микроволновке гамбургерами, глушат без меры кофе, курят, выпуская дым через ноздри…

И вот эти же девочки, надев на себя скромные юбки-карандаши и глухие блузки в горошек, приходят в прокуратуру уже с готовым, безграмотно написанным заявлением об изнасиловании, начинающимся со слов: «Уважаемый господин прокурор… Вчера 12 апреля вечером я остановила машину чтобы миня подвизли

до дому где меня ждала мама но вместо этого меня отвизли в лес несколько раз ударили по лицу и изнасилавали…»

Они очень опасные, эти девочки. И знают, что их показания, а также разумно не смытые следы сексуального контакта могут сломать жизнь мужчине, попросту уничтожить его. А потому на вопрос потрясенного вызовом в прокуратуру «насильника» (у которого в памяти осталась лишь симпатичная девчонка, с которой он, разумеется, по согласию или вообще, по инициативе самой партнерши, провел веселую ночь), не может ли он как-то сгладить свою вину, попросту дать ей денег, чтобы та забрала свое заявление (у прокуратуры и своих-то дел полным-полно), «жертва» радостно кивает головой, мол, согласна. И называет цифру. В сущности, таким нехитрым способом можно заработать кругленькую сумму.

Но были и другие жертвы, которые попались по неопытности, по глупости. Как правило, это девочки из хороших семей или молодые женщины, в отсутствии мужа попытавшиеся скрасить свое вынужденное одиночество, уступив настойчивым ухаживаниям случайного мужчины. Разные случаи, разные истории, разные девушки и женщины… Но все они видели своих насильников и могли бы описать их внешность.

В случае с Олей Болотниковой все было необычно. Ее усыпили, чтобы изнасиловать. Кто? И почему именно ее? Какую цель преследовал мужчина помимо той, что хотел удовлетворить свои сексуальные потребности? Не мог добиться обыкновенным способом, потому решил усыпить и действовать таким вот подлым образом? Ухажер? Учитывая, что она ни с кем не встречалась и вся ее жизнь вне дома протекала на работе, он мог быть оттуда. И тогда только Глафира, со свойственной ей фантазией и решительностью, могла бы, внедрившись в Олину контору, помочь ему выяснить, кто из мужчин на ее работе испытывал к Ольге определенную симпатию…

Жаль, что судьба свела его с Олей в такую трудную для нее минуту. Мало того что она и до этого эпизода, если верить Глаше, была закрыта для мужчин, так что говорить про сегодня, сейчас? Нетрудно представить себе, как бы она отреагировала на предложение Мирошкина провести с ним вечер… Сейчас она испытывает шок, ей плохо, тяжело и страшно. К тому же она наверняка считает себя сейчас осквернённой, обесчещенной, а потому и мысли не допускает, что какой-то там следователь может испытывать к ней нежность.

Но ведь все это пройдет, нужно только время. И он, Сергей, если бы только она согласилась, мог бы помочь ей справиться со страхами, он успокоил бы ее, и они бы вместе пережили эти тяжелые для нее дни.

В какую-то минуту Сергей подумал о том, чтобы поговорить об этом с Лизой, посоветоваться с ней, как лучше подойти к Оле, какие слова подобрать, чтобы не отпугнуть, а, напротив, привлечь ее к себе. Но потом передумал. Больше того, испытал чувство, похожее на стыд. Что, если Лиза, услышав, что он влюбился в Ольгу, не поймет его, осудит за то, что он вместо того, чтобы думать о деле, занимается разными глупостями? Хотя нет, Лиза не такая. Она все тонко чувствует и понимает. Возможно, она и помогла бы ему, посоветовала, как ему себя повести с Ольгой. Она – женщина, а женщины куда лучше понимают друг друга.

Покончив с ужином, Сергей перемыл посуду, сложил в шкаф, вернулся в комнату и снова принялся переключать телевизионные каналы в поисках какого-нибудь хорошего фильма. Было такое ощущение, словно на всех каналах фильмы как будто бы ускользали от него, и не было ни одного, который он смог бы посмотреть с самого начала и до конца. Словно все те, кто сейчас сидел перед телевизорами, успели зацепиться за сюжет и провалиться в него, как это всегда бывает, когда смотришь хороший фильм, а вот он, Сергей Мирошкин, снова опоздал, и потому ему уже ничего не интересно.

Устав от мельканья на телевизионном экране, он встал и подошел к окну. Но вместо того, чтобы увидеть ночь или качающиеся на ветру ветви деревьев, увидел собственное отражение. Как в зеркале. Он зажмурился и когда распахнул глаза, то увидел позади себя смутное отражение девушки, обнимающей его за плечи. Хрупкая, слабая, истерзанная страхами и бессонницей, она, обнимая его, словно хотела уберечь от чего-то еще более страшного, неотвратимого… Разве не такой должна быть жена?

Когда глаза привыкли к темноте, его взгляд утонул в вязкости осенней ночи и начал различать и ветви деревьев, и плавящуюся на фоне прозрачных, летящих облаков луну. Девушка за спиной исчезла.

ГЛАВА 8

– Вы Лиля?

– Да, проходите, пожалуйста.

– Вы дома одна?

– А вам кто нужен?

– Женя не у вас?

И вдруг Лиля все поняла. Это его мать. Зачем пришла? Что ей нужно?

– Жени нет… Но вы ведь пришли ко мне, а не к нему.

– Спасибо.

Лиля предложила ей чаю. Та отказалась. Сидела, уже без шапки, распаренная, с примятыми волосами, румяным от мороза лицом, и видно было, что она не знает, с чего начать разговор о том, зачем она пришла.

– Послушайте, Лиля, Женечка влюблен в вас, понимаете? Он страдает, переживает… Он ночами не спит, места себе не находит… Он может наделать глупости! Пожалуйста, отпустите его!

– Но я не держу его, поверьте. Он сам приходит сюда, ко мне, мы с ним обедаем, смотрим фильмы, слушаем музыку, беседуем…

– Я знаю, что вы не подпускаете его к себе, у него и так комплексы, он понимает, что вы не пара, что рано или поздно вы встретите мужчину, которого полюбите по-настоящему, прекратите встречи с Женечкой, и что с ним тогда будет?

– Что вы хотите?

– Говорю же – отпустите его. Сделайте что-нибудь такое, чтобы он сам бросил вас.

– Интересно, что? Вы думаете, что у меня нет другого мужчины? Есть. И Женя это знает. Но это не мешает ему все равно приходить сюда. Ему ничего от меня не нужно, понимаете? Просто видеть меня…

– Он любит вас. Он – нормальный парень, я в том смысле, что он никакой не импотент, извините… Он мечтает о вас…

– А вы откуда знаете?

– Я читала его дневник. Понимаю, что это гадко, что так нельзя, но все равно читала.

– Час от часу не легче…

– Лиля, вы не глупая женщина, я же вижу… Вы должны понимать, что в определенном смысле Женя, конечно, нездоров. Он лечился одно время, и ему стало лучше… Он жил совершенно другой жизнью, жизнью нормального мужчины, но потом снова вернулся в прошлое… Он пьет таблетки. Но вот сейчас у него обострение, он может быть даже опасен…

– Вы это говорите, чтобы напугать меня? Не думаю, что вам это удастся…

– Я это говорю, потому что это правда. И чтобы вы знали. Подумайте, зачем он вам? Чтобы служил вам, как собака? Чтобы чувствовать себя королевой?

– Что? Да я и так королева.

– Я прошу вас, придумайте что-то такое, что вызвало бы у Жени отвращение к вам. Он – идеалист, сейчас он видит в вас идеальную женщину, так разочаруйте его, покажите, что вы вовсе не такая!

– Какая – не такая?

– Унизьте его! – И словно спохватившись, поспешно добавила: – Но не сильно, а мягко, чтобы не травмировать его. То есть покажите, какая вы тва… извините… словом, чтобы он сам не пожелал с вами встречаться, понимаете?

– Мне кажется, вы хотели назвать меня тварью? – Брови Лили взлетели. – Вы что, тоже больная? Или вы хотели и меня унизить?

– Да нет же, говорю, это его надо унизить. Господи, я не знаю, что мне делать, как поступить, чтобы вы поняли – вы должны расстаться. Но чтобы он сам ушел.

– Вы предлагаете мне унизить его, и в то же самое время вы хотите, чтобы я совершила какой-то поступок, чтобы выставить себя полной тварью… Я не понимаю вас.

Она хотела крикнуть, что он уже и так унижен самой природой и что, к его несчастью, он и сам понимает это. Но промолчала. Только стиснула зубы.

В сущности, она понимала эту женщину. Ее волнует покой сына. И больше ничего.

– Хорошо, я подумаю, как вам помочь. Как сделать так, чтобы он ко мне не приходил. Но, поверьте, если бы не ваши слова, я ни за что бы не подумала, что Женя так уж болен, – слукавила она. – Да, он несколько странен, как и все творческие люди. Но у него отличная память. Он читает стихи, сам их сочиняет. У него тонкая душевная организация…

Сказала и подумала, что мать права, и она, Лиля, должна быть ей благодарна за этот визит и этот разговор. На самом деле, зачем ей Женя? Неужели только лишь затем, чтобы на его фоне чувствовать себя более успешной и здоровой? Но она могла бы это прочувствовать на фоне любого другого, более адекватного мужчины! Тогда действительно, может, ее визит – знак? Знак, что ей пора распрощаться с этим странным ухажером, с которым ее не связывает вообще ничего, кроме едва уловимого его сходства с другим мужчиной.

– Я обещаю вам, что порву с ним, расстанусь, что придумаю что-нибудь такое, чтобы он сам ушел, не оглядываясь.

– Вот спасибо вам!

Ей вдруг захотелось поговорить с этой простой женщиной, довериться ей и признаться в том, как она несчастна, как умерло в ней все в тот момент, как ее

бросил любимый мужчина. И что возможный брак с Денисовым она воспринимает как спасение. Вот только поймет ли она ее? Скорее всего, сделает вид, что понимает, будет кивать головой, как бы соглашаясь с ней и жалея ее, а на самом деле подумает, что Лиля просто с жиру бесится. Для них, простых и бедных людей, ее благосостояние – как бельмо на глазу. Они завидуют, и зависть затмевает прочие чувства.

– Вы извините меня… Но мне надо сейчас уйти, – солгала она, не желая больше видеть перед собой это несчастное, бледное лицо.

– Да-да, извините… Уже ухожу. Значит, мы с вами договорились. И вот еще что – пожалуйста, не говорите Жене о том, что я здесь была, он не поймет, разозлится… А ему нельзя нервничать…

Эта женщина ушла, Лиля достала еще одну сигарету. Вспомнила, как познакомилась с Евгением. Она сидела в сквере на лавке, курила и не знала, как ей дальше жить. Прошел всего месяц, как она осталась одна, и сердце ее, как ни странно, еще билось, хотя должно было остановиться после всего, что с ней произошло. Когда она узнала, что мужчина, которого она любила, влюбился в другую женщину и принял решение переехать жить за границу, они расстались без скандалов, спокойно, он великодушно оставил ей квартиру, оформил на нее рестораны, со свойственной ему деловитостью порекомендовав ей людей, которые помогали бы ей в бизнесе. Словом, откупился от нее. И уехал. Улетел в другой мир, в другую жизнь, с другой женщиной.

Пошел дождь, а она так и продолжала сидеть неподвижно, чувствуя, как напитывается дождем ее тонкое пальто, как струятся по лицу дождевые потоки… Она так замерзла, что не могла даже пошевелиться. Подумала, что вот сейчас простынет и умрет. И душевная боль исчезнет.

И вдруг поняла, что с ней кто-то разговаривает, зовет ее. Это был такой же, как и она, промокший до нитки мужчина. Он что-то говорил ей, а она никак не могла его воспринять. Наконец он взял ее за руку и повел за собой. Привел в кафе. Она не сразу даже сориентировалась, где они находятся. И только спустя некоторое время, оглянувшись, поняла, что это Артистическое кафе, в котором она была всего один раз, летом, в самую жару, зашла, чтобы напиться ледяной минералки.

– Вы должны снять пальто, оно совсем мокрое, а я закажу для вас коньяку, хотите? – спросил мужчина. Он был молод, нервен, красив. Движения его были порывистыми, а взгляд просто прожигал ее насквозь.

– Вы очень красивая… Так заказать коньяку?

В это время к столику подошла официантка, которая с любопытством принялась разглядывать странную, промокшую парочку.

– Да, коньяк. Пожалуйста, – сказала Лиля.

– А мне горячего чаю, – произнес он. – Меня зовут Женя. А вас?

– Лиля.

– Боже, какое прекрасное имя! Знаете, у вас очень красивые губы, и эта алая помада вам к лицу. Она просто зажигает ваше лицо.

– Вы не должны были подходить ко мне, – сказала она строго. – Мне хотелось побыть одной.

– Вы бы простыли и умерли. Да, непременно бы умерли, потому что дождь очень холодный. К тому же вечер. Если бы я не подошел к вам, могло бы случиться непоправимое. Что с вами произошло? Вы же плакали, я видел.

– Мы с вами не настолько знакомы, чтобы я вам рассказала о себе.

– Коньяк поможет вам высказаться. Вы же сами хотите поговорить. Я это знаю, чувствую.

– Вы ничего не можете чувствовать, потому что вы – мужчина. Вы – существо с другой планеты.

Конечно, она сразу оценила его убогость, нездоровый блеск в глазах, и ей бы тогда послать его к черту, найти слова, чтобы отбрить его навсегда. Но подумалось, что нормальные люди, занятые собой, своими проблемами, не поймут ее, осудят, посмеются над ней, а вот этот, странный, поддержит. Найдет

простые и очень нужные ей слова.

– Все пройдет, и боль утихнет, – сказал он, когда им принесли коньяк.

– Когда? – простонала она и, словно у нее внутри прорвало плотину, разрыдалась.

…Сейчас, после ухода его матери, все их месяцы знакомства показались ей долгой и продолжительной болезнью. Словно она была больна и находилась в одной палате с этим сумасшедшим. Не значит ли это, что и она когда-нибудь, не найдя в себе силы выбраться из депрессии и какого-то мутного, болезненного сумрака, превратится в такую же странную особу с блуждающим взглядом?

Ей стало страшно. Подумалось, что, возможно, и две ее помощницы, молчаливо следившие за ее общением с Женей, оставшись наедине, бурно обсуждают начавшую сходить с ума хозяйку? Они молчат потому, что держатся за свою работу. А вот матери Жени терять нечего, она пришла и попросила оставить в покое своего душевнобольного сына.

Все! Хватит. Пора просыпаться, брать себя в руки!

И словно в ответ на ее созревшее желание расстаться с Женей, ее слепым обожателем, навсегда, он позвонил ей.

– Женя? Прошу тебя никогда ко мне больше не приходить. Никогда, слышишь ты меня? У меня своя жизнь, у тебя – своя. Мы с тобой из разных миров, ты должен понимать…

– Что случилось? – услышала она его проникновенный, спокойный голос. – О каких мирах ты говоришь?

– Ты не должен больше приходить ко мне, понимаешь? Я этого не хочу. Я должна уже научиться обходиться без тебя. Вот так. Ты все про меня знаешь…

Она вдруг поняла, что не может расстаться с ним вот так грубо, без объяснений, он этого не заслужил.

– У меня был тяжелый период, но теперь я в порядке, понимаешь? В полном порядке и собираюсь начать новую жизнь. Без тебя.

– У тебя кто-то есть?

– Это не твое дело! – взорвалась она. – Тем более что ты знаешь – у меня всегда кто-то есть, был и будет…

– Но я люблю тебя, Лиля.

– А я тебя – нет. Ты – нормальный здоровый мужик, – она выполнила просьбу матери и все сделала, чтобы он не почувствовал себя слабаком, – и ты должен найти девушку себе под стать, встречаться с ней, а не терять драгоценное время у меня…

– Я мешаю тебе?

– Да! Да, мешаешь! Мужчина, с которым я сейчас встречаюсь, недоумевает по поводу того, что ты бываешь у меня. Он считает, что я извращенка, что я сплю с тобой… А я не собираюсь перед ним оправдываться. Да и вообще, к чему мне эти сложности?

– Раньше ты со мной так не разговаривала… Мы находили с тобой общий язык… Хочешь сказать, что у тебя теперь все хорошо, что твои утраченные чувства вернулись к тебе и теперь, здоровая, ты не желаешь видеть возле себя такого, как я? Бедного, без денег? Так?

– Пусть будет так, – прошептала она, чувствуя, что, вероятно, теперь только грубостью она и сможет помочь себе разорвать с ним отношения. – Да, мне уже пора устраивать свою личную жизнь, и ни одному мужчине не понравится, что ко мне шляется какой-то парень, читает стихи…

– А если бы я не приходил, а приезжал к тебе на дорогой машине, ты бы иначе на меня смотрела?

– Да! Да! А что, тебе разве не приходило в голову, что быть богатым не так уж и плохо… И что все-таки не совсем случайно людей оценивают именно по

кошельку. Раз ты богат, значит, у тебя есть голова и ты можешь чего-то достичь в этой жизни… А ты, ты что умеешь, кроме того, что писать стихи, сочинять разные небылицы да смотреть мне в рот? Ведь ты ни разу даже не попытался поцеловать меня… – Она и сама не знала, зачем так унизила его, оскорбила. Но и остановиться уже не могла. – Да ты попросту трус! У тебя кишка тонка обладать такой женщиной, как я!

– Да, я знаю, у тебя были богатые любовники… – тихо отозвался он после небольшой паузы.

– Все, Женя, разговор окончен. Я попросила тебя больше не появляться у меня, и довольно об этом. Я благодарна тебе за то, что ты поддержал меня в трудную минуту…

– Так нельзя, Лиля.

– Почему это нельзя? Очень даже можно. Тебе нужна другая девушка. Более простая. Без затей. Ровня, понимаешь? Не такая яркая, как я…

– Ты не яркая. Ты… Ты… У тебя просто помада такая… яркая, красная, страшная…

Она поняла, что он скажет ей сейчас что-то ужасное, что оскорбит ее, обзовет как-нибудь больно, поэтому отключила телефон. Совсем. Она не ждала других звонков, а потому могла себе позволить отключить его. И весь день провела в тишине, не считая привычных домашних звуков льющейся воды, звяканья посуды, воя пылесоса… Вечером не выдержала, зашла в кухню, где Валентина с Тамарой лепили пельмени, и сообщила, что приняла решение разорвать свои отношения с Женей.

– Вот и слава богу, – сказала, не переставая раскладывать фарш по кружочкам из теста, Валентина, спокойная и тихая женщина неопределенного возраста с приятным бархатным голосом. – Не наше это, конечно, дело, но мы с Томой никогда в душе не одобряли этих его визитов… Может, он, конечно, и хороший парень, добрый, и стихи любит, и музыку, но видно же, что он нездоровый. Что не от мира сего.

– У него взгляд нехороший, – сказала Тамара, деревенского типа женщина лет пятидесяти, невероятная чистоплотная и работящая. – Это про таких говорят: в тихом омуте черти водятся…

– Он компрометировал вас, Лилечка, это же ясно… Не понимаю, как ваш Денисов вообще терпел его, как позволял ему бывать у вас…

– Ну, во-первых, Гриша мне не указ, – возмутилась Лиля. – Он мне никто, и его сюда не звали, если что… Ну, а во-вторых… вы, конечно, правы… Сама не знаю, что на меня нашло…

– От таких, как Женя, надо бы вам держаться подальше.

– И кожа у него какая-то… неприятная, серая, бледная, и волосы эти…

– Ладно, закрыли тему. – Лиля хлопнула ладонью по столу. – Все, хватит. Дала слабинку, пригрела на груди юродивого… Уж больно он напоминал мне кое-кого, вот и все.

Сказала, а на сердце все равно было как-то неспокойно, нехорошо. Закрылась в спальне, включила телефон, позвонила Денисову:

– Ты извини, Гриша… наговорила тебе утром… Не знаю, что на меня нашло… Ты приходи сегодня, пожалуйста. Забудь все, что я тебе сказала… Посидим, поговорим… У нас тут пельмени…

Золотой Гриша сказал, что приедет. Что у него для нее хорошая новость.

– Угадай, какая?

Вероятно, свершившийся развод. Лиля закрыла глаза и представила себе большую комнату, на блестящем паркете толстый белый ковер, а на нем играют маленькие дети, и вокруг игрушки, мячи, открытые коробки с конфетами, а в углу комнаты стоит наряженная новогодняя елка… И в креслах сидят счастливые родители – она, Лиля, и Гриша.

Все хорошо, и все это может стать реальностью, и уже скоро. Вот только где взять силы, чтобы начать эту новую жизнь? Где?

Подумала, и в груди заломило, стало трудно дышать…

ГЛАВА 9

Две женщины сидели в самом углу ресторана, возле пылающего камина и разговаривали шепотом. Между ними на темно-зеленой скатерти стоял графин с водкой и два прибора. Одна из женщин, в теплом душном свитере невыразительного серого цвета, листала меню, но видно было, что ей не до еды. Она все время хмурилась, вспоминая что-то. Сильно напудренные щеки были бледными, безжизненными, и румяна, которыми она так и не научилась пользоваться, делали ее плоское некрасивое лицо похожим на маску.

– Закажи себе что-нибудь поесть… Или лучше я, на тебе совсем лица нет, – сказала другая женщина, более ухоженная, хотя такая же бледная, чем-то сильно встревоженная. Черное платье, украшенное тонкой ниткой жемчуга, подчеркивало ее зрелую красоту и интеллигентность.

– Закажи сама, у меня и аппетита нет, да и не разбираюсь я в этом меню… Ты же знаешь.

– Тогда говядину с жареной картошкой, грибы, салат, а?

– Ладно…

– Погоди, давай сначала выпьем, ты соберешься с силами и все мне расскажешь.

Женщины выпили водку.

– Ну, давай, рассказывай, как все прошло.

– Все ужасно… Когда я увидела ее, то сразу поняла, что наш план никуда не годится. Я, конечно, подозревала, что она девушка небедная, и судила я это по тому, как она была одета, поскольку видела их вдвоем с Женей, когда они гуляли, вернее, когда он сопровождал ее из магазина к ее дому. Красивая одежда, золотые украшения, все это понятно… Но когда я перешагнула порог ее квартиры, вот тут меня словно током ударило! Я не представляла себе, что люди могут жить так… Огромный коридор, большая кухня… Думаю, что и комнаты тоже большие. Миллионерша она, точно.

– Чувствительная миллионерша… – усмехнулась вторая женщина. – Вот и говори потом, что деньги – самое важное в жизни. Вот ведь и богата, и молода, и красива, и здорова, и, поди ж ты, от любви чуть не померла… Да если бы не Женя, точно свихнулась бы, попала в психушку, и уж там-то ее обработали бы, мама не горюй, отобрали бы у нее, вернее, прибрали к рукам и квартирку ее, и золото, и вообще все… А Женя, что? Он помог ей, протянул руку помощи, хотя сам больше ее нуждался… Ох, да что там говорить! Снова ему не повезло. И вот ведь как все складывается. Как ни полюбит девушку, оказывается, что она самая красивая, самая талантливая, самая-самая! Тянет его к таким. Выбрал бы себе скромную такую девушку, повстречался, понял бы, что и его тоже любят, глядишь, и получилось бы чего. И он бы успокоился, и мы…

– Чует мое сердце, что поступит он с ней так же, как и с теми… остальными…

– Прошу тебя, не надо!

– Говорю же, видела ее. Удивительно, что она все еще привечает его, позволяет быть у нее, думаю, это сложилось сначала от благодарности, а потом – из жалости. Она поняла, с кем связалась, и теперь, может, и не знает, как от него отвязаться. А ведь он все чувствует!!!

– Да, он очень чувствительный мальчик… Ты вот догадываешься, что он снова… Мы обе об этом знаем! И мне страшно… Понимаешь? И что, что она тебе ответила? Как вы говорили? Наверное, она смотрела на тебя надменно, как и положено смотреть на существ низшего порядка… Как на мать идиота, так? Так она на тебя смотрела?

– Не знаю… Я не поняла. Но я сильно нервничала. Все глядела на нее и думала, когда увижу в следующий раз, и увижу ли вообще.

– Давай по порядку. Итак. Ты пришла, представилась. Что дальше? Ты действовала, как мы договаривались? Или снова – экспромт?

– И то и другое… Говорю же, я нервничала. Попросила ее, чтобы она нежно так его послала, чтобы не затронуть за живое… Даже чуть тварью ее не назвала, когда попросила ее повести себя таким образом, чтобы он, разочаровавшись в ней, сам бросил ее.

– И что она?

– Понимаешь, сначала-то я так и сказала, чтобы она тварью себя выставила, а потом попросила ее… Словом, кажется, я сказала что-то не то… Я запуталась, я сказала, что его надо унизить. Но не в том смысле, чтобы унизить его как мужчину, отвергнуть. Нет, как-то по-другому…

– Ты что? Зачем тебе надо было про унижение говорить? Это же настоящая провокация!

– Нет-нет, я же потом исправилась, я сказала, что он болен, что с ним надо поаккуратнее…

– Вспомни все в точности, что ты сказала!

– Не могу… У меня в тот момент голова кружилась и пот лил градом… Я чувствовала, что еще немного – и я потеряю сознание. Нервы совсем ни к черту…

– И?!

– Да ты пойми, не могла же я сказать ей: вы, мол, девушка, поосторожнее с ним, а то он вас еще убьет ненароком… как убивал всех тех, кто его отверг…

– Тсс…

Обе женщина замолчали, уставившись в пустые тарелки, когда к их столику подошла официантка и принялась расставлять блюда с салатами, говядиной.

– Десерт? – спросила официантка, улыбаясь дежурной улыбкой.

– Потом. Спасибо.

Сначала они немного поели, поковырялись вилками в салате.

– Чем все закончилось?

– Она пообещала мне, что придумает что-нибудь, чтобы они расстались безболезненно.

– Это она так сказала – «безболезненно»?

– Нет, это я тебе сейчас говорю. Послушай, у меня в последнее время постоянно такое чувство, словно меня сейчас стошнит…

– Это страх. Я тоже испытываю то же самое чувство. Ты же знаешь, что машина заработала, что его ищут…

– Конечно, ищут. Все будет так, как мы и предполагали… Только в самом худшем варианте…

– Глупо было предполагать, что она ничего не заметит. Что мы наделали, что?

– Хотели же, чтобы и он остановился, и у нее появился новый интерес в жизни. Она же в последнее время сама не своя была, все жаловалась мне на то, что разочаровалась в мужчинах, что ей скучно, что на работе – тоска, а домой идти не хочется, потому что ее никто не ждет…

– Ты же говоришь, что это она сама как бы навела тебя на мысль о беременности?

– Ну да. Она постоянно говорила о том, что жалеет, что не родила от этого своего парня. Он ее бросил, но мог бы остаться ребенок… Что она теперь понимает всех тех, кто рожает без мужчин, то есть без мужей… Ну, родила себе женщина ребенка, это ее личное дело.

– Мы не должны были этого делать.

– Не должны…

– Мы поспешили.

– Да…

– Но все случилось, как случилось. Зато мы спасли другую жизнь.

– Ты уверена, что он собирался сделать это?

– Да, я знаю эти его состояния. Меня невозможно обмануть. Так было уже несколько раз. Да Лиля должна в ногах у нас валяться за то, что мы спасаем ее!

– А что, если это не Лиля? Может, он собирался это сделать с другой девушкой, о которой ты вообще ничего не знаешь?

– Может.

– Мне страшно, я боюсь, что Оля сама догадается, кто все это сделал…

– Нет, не думаю. Ей такое и в голову не может прийти.

– Но нам же пришло! Признайся, наш план с самого начала был настоящим безумием.

– Да, но мы тогда и сами были безумные. Ты предложила, я согласилась. Надо было действовать быстро. Ты же помнишь, как все это произошло… Я остановила его буквально в дверях. От него так пахло духами, что я чуть не задохнулась. Я спросила его, куда он собрался. А он все смотрел куда-то мимо меня. И знаешь, что еще меня насторожило? Он не переоделся. Он был в своих рабочих штанах. И я подумала тогда, что ему становится все хуже и хуже… Раньше он мылся, надевал все чистое…

– А может, ты ошиблась?

– Нет-нет, что ты! Я же знаю, он метался по квартире, почти рычал, он просто на моих глазах превращался в зверя… И, если бы я заперла дверь, он выпрыгнул бы в окно…

– Скажи, ты бы заметила, если бы проснулась утром изнасилованная?

ГЛАВА 10

Как Лиза и предполагала, Василиса Иванова, известная в городе личность, душа любой богемной компании, а также свой человек в среде чиновников и юристов, охотно отозвалась на предложение прийти в офис и поговорить о своей погибшей подруге – Любови Гороховой.

Она только зашла в приемную, как все помещение оказалось заполнено ею. Ее громким грудным контральто, ее пряными духами, ее пестрой леопардовой шубой, ее пышной, уложенной вокруг головы короной косой.

Высокая, красивая, слегка полноватая, неопределенного возраста яркая женщина едва угомонилась под внимательным профессиональным взглядом Елизаветы.

– Присаживайтесь, Василиса… Извините. Не знаю вашего отчества, – вежливо усадила Лиза посетительницу напротив себя в удобное кресло.

– И не надо с отчеством. Мне приятно, когда меня называют по имени. Так я кажусь сама себе моложе.

Она улыбнулась очень открытой, просто-таки чудесной улыбкой. И Лиза спросила себя: на самом ли деле она так открыта миру или же это ее природный артистизм и желание нравиться всем и всегда?

– Хорошо. Василиса. Хотите чаю?

– Нет, спасибо. Только что кофе выпила у одного своего знакомого…

– У вас роскошная шуба.

– Спасибо… Это леопард. На эту шубу ушло три тушки. Она выделана в Америке, там даже печать есть, на мездре. А фасон, вы не поверите, знаменитый крой «Жаклин» или «Подарок Кеннеди». Вот. Сшит по специальному заказу.

– Вы что, за ней в Америку летали? – сделала вид, что удивилась, Лиза.

– Да нет, упаси вас боже! У нас тут, в Саратове, можно найти места, где ваше желание исполнят в лучшем виде. Ведь не все имеют возможность ездить в Москву. Поездка в Москву лично для меня, к примеру, целое событие. Она действует на меня почему-то угнетающе. И для меня искать магазины, где я могла бы купить себе приличную шубу или туфли, – это невыносимо тяжело. Огромные расстояния, отсутствие личного транспорта… Вы понимаете, о чем я?

– Да, догадываюсь. Вы заказываете хорошие вещи, в том числе шубы, в салоне «Софи», что на улице Яблочкова, так?

– Да. Понимаете, хоть этот салон и считается меховым, но нам, постоянным клиенткам, привозят по заказу, ну, там, из каталогов, из Интернета, эксклюзивные вещи не только из меха, но и из кожи. И обувь, и даже хороший дорогой парфюм. Там определенная система заявок, надо просто прийти и сказать, что твоя душа желает. Очень удобно.

– На ступенях этого салона нашли мертвой вашу подругу, Любу Горохову, – напомнила Лиза.

В этот день она чувствовала себя уже не так бодро, как сутки назад. Сильно ломило поясницу, да и желудок что-то болел. Она грешила на то, что переела маринованных маслят. Но они так хорошо шли к картошке! И вообще, ужин удался. Приехали Глафира с Адамом, привезли коробку ее любимых шоколадных конфет «Mozart», коробку хорошего чая. Лиза была весела, Гурьев не мог на нее насмотреться, весь вечер шептал ей на ухо комплименты, говорил, что счастлив с ней и с нетерпением ждет рождения сына, а после ухода Глаши с мужем взялся привести в порядок кухню, даже запустил посудомоечную машину. И уже перед самым сном Лизу вдруг охватил страх. Страх смерти во время родов. Сон, который обволакивал ее весь вечер, уступил место злой бессоннице. Она

вцепилась в спящего мужа и расплакалась. Говорила, обливаясь слезами, что не выдержит родов, что надо бы ей сделать кесарево сечение, но тогда она не проснется от наркоза… В муках, страхах, чувстве вины перед Дмитрием, которому она не давала спать, прошла вся ночь. Она уже и сама понимала, что ей надо бы остаться дома, никуда не ходить и тем более не работать, но она же обещала встретиться с Василисой, обещала Мирошкину помочь ему максимально.

Вот и получилось, что невыспавшаяся, с больным желудком и разламывающейся поясницей, она, с трудом перемещаясь в пространстве, доехала до офиса и даже успела до встречи с Василисой выпить чашку чая.

– Да-да, это просто кошмар какой-то! Любочка была, конечно, страшно любвеобильной женщиной. У нее и имя соответствовало характеру. Она очень любила мужчин, любила любовь, любила саму жизнь! И эта жизнь подбрасывала ей время от времени роскошные подарки…

– Вы имеете в виду смерть ее мужа? – тихо спросила Лиза.

– Зачем вы так? Ну, да, Миши не стало, но я имела в виду другое. Она, не прилагая особых усилий, разбогатела, обрела независимость…

– Когда у мужа много денег, да если еще он к тому же любит свою жену, что ж в этом удивительного? Вы завидовали Любе?

– Да ей все завидовали. И даже не столько ее деньгам, потому что у меня много состоятельных подруг, нет… У нее было такое… какое-то праздничное, что ли, мироощущение. Вот. Она сама была как праздник. Ну, не обходилось, конечно, без алкоголя, у меня постоянно собирались компании… Вы не поверите. Но есть люди, которым идет алкоголь. Да, да, вы не удивляйтесь! Вот она выпьет и становится такой необыкновенно веселой, жизнерадостной, а еще она умела шутить. Она знала огромное количество анекдотов, ценила юмор в других, короче, хохотала до упаду. Вот не верится, что ее нет. Такие люди не должны уходить, да еще и так ужасно. Может, это цинично прозвучит, но для нее естественнее было бы утонуть где-нибудь в океане, при кораблекрушении, или упасть с воздушного шара, или захлебнуться шампанским… Не знаю, как вам сказать… Но быть изнасилованной и удушенной! Зачем ее насиловать, когда она

сама готова была отдаться любому, почитай, мужчине. Она любила мужчин. Она ценила их. И ей везло на любовников. Студенты не в счет. Студенты – это была ее ошибка. Она не должна была так поступать с ними. Она унижала их…

Василиса все рассказывала и рассказывала о своей подруге, и Лиза все больше и больше убеждалась в том, что Василиса никогда не любила Любу, не уважала и даже презирала ее. Зато теперь, когда ее не стало, у нее появилась возможность, так сказать, для пользы следствия, облить подружку грязью.

– Скажите, Василиса, как вы думаете, кто мог так над ней надругаться?

– Только случайный прохожий. Пьянь какая-нибудь подзаборная, которая положила глаз на ее шубу. Вот точно!

– Ну, сняли бы с нее тогда шубу, и все, а насиловать-то зачем?

– Так она баба красивая была…

– Вы можете назвать фамилии ее приятелей, друзей, любовников.

– Конечно, могу. Я и список принесла.

Лиза была потрясена. Оказывается, Василиса основательно подготовилась к визиту.

– Вот, – она положила на стол листок. – Здесь все, что мне известно. Когда прочтете, увидите, что у нее было много поклонников из элиты нашего общества, так сказать. Хотя мы-то с вами знаем, что это никакая не элита, а даже напротив. Конечно, все это богатые люди. Очень влиятельные. Но тоже не без слабостей. Приходили к Любаше, вернее, приезжали в ее загородный дом в Михайлово, развлекались, как хотели, выпивали. Уж что-что, а выпить они любители.

Лиза бегло просмотрела список. Нашла много знакомых фамилий. На самом деле, весьма обширный круг знакомых. Но встречались среди них и незнакомые.

Она подчеркнула красным маркером некоторые из них. Показала Василисе.

– Так, шушера всякая… непризнанные гении. Поэты, писатели. Говорю же, мусор всякий… Продавщицы, танцовщицы… Все алкоголики. Я говорила ей: гони ты их, мать, в шею, да куда там?! Ей нравилось быть королевой, нравилось угощать их. У нее же была прекрасная кухарка, Валюша. Ох, какие же она пельмени готовила. А беляши! А чебуреки! Руки у нее золотые. Любаша иногда отпускала ее подработать у своих подружек на банкетах, торжествах разных. А уж как она ее любила! И кольца золотые дарила, и платья свои.

– Как ее зовут? Где она живет?

– Да там, в том доме и живет. Или теперь уже… жила? Я не знаю.

– А что вам, Василиса, известно о Любином завещании?

– Понятия не имею. Да и разве может быть у такого человека, какой была Любаша, завещание? Она не собиралась умирать. Она жила на полную катушку. Как перед смертью…

– Но самые близкие люди-то у нее были?

– Икорников Владимир Кондратьевич и Орлов Максим Петрович. Знакомые все люди, не правда ли?

Это были люди из окружения губернатора. В сущности, умные, деловые, умеющие делать деньги из воздуха. Очень опытные, с харизмой. Два друга. Два любовника. Два соперника.

– Друзья или любовники?

– Очень близкие друзья и любовники. Прежде они делали дела с Мишей, а когда он умер, всеми силами поддерживали вдову. Сейчас они занимаются организацией похорон Любаши. Господи. Горе-то какое!

Позвонил Мирошкин, сказал, что будет через десять минут.

– Лиза, это бомба! – крикнул он в трубку. – Просто бомба!

– Хорошо, Сережа, я тебя жду.

Василиса как-то нервно заерзала на стуле.

– Елизавета Сергеевна, прошу вас, держите меня в курсе расследования. Я понимаю, что вы в этом следствии – лицо не официальное, и все в городе знают, что вы помогаете прокуратуре, что у вас светлая голова, что вы обладаете феноменальной интуицией… Понимаете, Любаша была моей близкой подругой, и мне не все равно, кто мог поднять на нее руку. Кроме того, вы же понимаете, это мог быть человек из нашего с ней круга, то есть кто-то из наших общих знакомых…

– Ваших общих знакомых? – удивилась Лиза.

– Или какой-нибудь студент из ее поклонников, – махнула рукой Василиса. – Окружила себя молоденькими мальчиками, возомнила себя королевой. А что, денег много, не жалко. Зато последнее время она жила в какой-то эйфории, ей казалось, что ее все любят. А вот отбери у нее все деньги, и что? Перезревшая дама, не знавшая куда себя деть. Да смешно было смотреть…

И вдруг она осеклась. Замолчала и отвернулась. Она поняла по взгляду Лизы, что сказала лишнее, что не сдержалась и выдала сразу все свое презрение по отношению к погибшей.

– Извините. Но все равно – это чистая правда. Я и любила Любу, и не любила одинаково. Когда я приходила к ней, мне казалось, что и в моей жизни тоже присутствует праздник, понимаете? Так что, чем я лучше ее? Разве что романы с мальчиками-ботаниками не заводила.

– Скажите, Василиса, вот такой мальчик-ботаник, как вы выражаетесь, мог бы напасть на Любу, изнасиловать и убить?

– Ограбить и убить – мог бы любой, кого она унизила тем, что вычеркнула его из своей жизни. В молодости свойственно заблуждаться и ударяться в крайности. Но только не изнасиловать. Да еще прямо на улице, в центре города!

– А кто вам сказал, что ее убили в центре города?

– Так вы же и сказали. Что на ступенях того самого салона…

– Я сказала, что там нашли тело, а где она была убита, еще только предстоит выяснить.

Лиза почувствовала, что утомилась. Разговор с Василисой был ни о чем. Больше даже походил на сплетничанье.

В дверь позвонили. Пришел Мирошкин. Но, увидев Василису, сразу все понял, кивнул головой в сторону двери, ведущей в отдельный кабинет.

– Извините, Василиса. – Лиза пригласила Сергея в кабинет и заперла за ними дверь.

– Ну? – Она заглянула ему в глаза. – Где бомба?

– Изнасиловал Горохову и Ольгу Болотникову один и тот же человек!!! Ты могла бы такое предположить? Отпечатки пальцев на сумке Гороховой совпадают с отпечатками пальцев на дверях в квартире Болотниковой. Я не говорю уже о биологических следах! Совпадение – сто процентов!

– Надо же – какой неугомонный мужчина! – прошептала задумчиво Лиза. – Ладно, Сережа, мне надо отпустить эту даму, тогда и поговорим. А то неудобно как-то шептаться.

Она вышла, улыбнулась взгрустнувшей Василисе. Та, словно понимая, что время беседы закончилось, засобиралась.

– Пожалуйста, Елизавета Сергеевна, держите меня в курсе расследования…

– Конечно-конечно, мы же договорились, – ответила, улыбаясь одними губами, Лиза. – Только я не совсем поняла, куда это вы так засобирались… Думаю, что после всего, о чем мы с вами поговорили, самое время заключить договор…

– Договор? – встрепенулась Василиса. – Какой?

– А вы зачем ко мне пришли?

– Ну… это… Любу же убили.

– Насколько я поняла, вы хотите, чтобы я помогла найти убийцу вашей лучшей подруги. Так?

– Да… Конечно…

– Я берусь за это дело. В случае положительного результата мой гонорар составит… – И Лиза нацарапала на листке сумму. – Если же в течение шести месяцев мы никого не найдем, то сумма будет значительно меньше…

Василиса смотрела на нее молча, полные ее щеки пошли красными пятнами.

– Вы правильно сделали, что пришли ко мне, – не без удовольствия продолжала Лиза, радуясь возможности поставить эту сплетницу, глумящуюся над памятью Любы Гороховой, на место. – Вы – настоящая подруга… Побольше бы таких людей… Посидите немного, я сейчас заполню форму договора, здесь буквально несколько строк… И, конечно же, обещаю держать вас в курсе расследования. Мы всегда с Глашей очень внимательны к нашим клиентам… Чашку кофе? Вам с сахаром или нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/danilova_anna/aromat-zhelaniya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити